Ошибка мертвого жокея

Автор:
Ирвин Шоу

Ошибка мертвого жокея

Ирвин Шоу

Эксклюзивная классика (АСТ)

Повести и рассказы, включенные в этот сборник, были написаны Ирвином Шоу в разные времена и относятся к самым разным жанрам – от ставшего его фирменной маркой психологического реализма до почти остросюжетной «Ошибки мертвого жокея» и забавной, остроумной притчи «Неслышные голоса». Одни из них задумчивы и печальны, другие задорны и веселы, некоторые отмечает добродушный юмор, а некоторые – злая ирония. Однако все они отличаются глубочайшим знанием человеческой природы и человеческой души, характерным для автора «Богача, бедняка» и «Ночного портье».

Ирвин Шоу

Ошибка мертвого жокея

Irwin Shaw

SHORT STORIES: FIVE DECADES

© Irwin Shaw, 1939, 1941, 1942,1949, 1952, 1954, 1969

© Перевод. В. Вебер, 2022

© Перевод. И. Доронина, 2022

© Перевод. Г. Косов, наследники, 2022

© Перевод. Т. Перцева, наследники, 2022

* * *

Клубничное мороженое с содовой

Эдди Барнс задумчиво взирал на горы-исполины Адирондак, жарившиеся на раскаленном летнем солнце. Одновременно он прислушивался к монотонным звукам гамм: братец Лоренс с утра мучает пианино: раздватричетырепять, раздватричетырепять, раздватричетырепять… Как же хочется обратно, в Нью-Йорк!

Эдди улегся на живот в разросшуюся траву газона перед домом и, осторожно сдирая лоскутки кожи с облупившегося носа, уставился на кузнечика, одуревшего от солнца и качавшегося на выцветшем стебельке травы прямо перед его лицом. Потом лениво протянул руку, поймал насекомое.

– Дай медка, – прошелестел он. – Дай медка, или жизнь коротка…

Но кузнечик поджал лапки и не двигался, сонный, безразличный к собственной судьбе. Эдди, брезгливо поморщившись, отбросил его. Кузнечик нерешительно подпрыгнул, подлетел, снова уцепился за стебелек и застыл, слегка покачиваясь на легком ветерке. Эдди перевернулся на спину и стал смотреть в высокое голубое небо.

Деревня! Ну почему все так стремятся на природу… Что, должно быть, творится сейчас в Нью-Йорке, какая суета, толкотня на чудесных, раскаленных улицах, какие приключения, сколько радости и счастья, когда, тяжело дыша, весь в поту, скачешь по мостовой, увертываясь от грузовиков, трамваев, детских колясок! А окрики, грубые, шутливые, оглушительные… какой чудесный смех у

выкрашенной в красный цвет лавчонки, где продается лимонное мороженое по два цента за двойную порцию, истинный нектар для человека в пятнадцать лет.

Эдди рассеянно осмотрелся. Кругом все те же молчаливые вечные гранитные великаны. Да еще деревья и птицы. Вот и все.

Эдди вздохнул, терзаемый мыслями о недоступном наслаждении, встал, подошел к окну, за которым Лоренс хмуро барабанил по клавишам: раздватричетырепять.

– Лорррренс, – позвал Эдди, прокатывая «р» так, что щекотало в носу. – Лоррренс, ты вонючка.

Но тот даже не поднял глаз. Пальцы тринадцатилетнего мальчишки, все еще по-детски пухлые, били по клавишам раздватричетырепять с раздражающей точностью. Он был талантлив, одержим своим призванием и твердо знал, что в один прекрасный день на сцену Карнеги-Холла выкатят концертный рояль. Лоренс выйдет и вежливо поклонится публике под гром аплодисментов, а потом сядет, откинет фалды фрака и возьмет первый аккорд, а мужчины и женщины, слушая его, будут плакать, смеяться и вспоминать свою первую любовь. Поэтому его пальцы вздымались и опускались вверх-вниз, набирая силу в ожидании великого дня.

Эдди еще немного задержался у окна, наблюдая за братом, вздохнул и завернул за угол дома, где ворона сонно клевала семена редиса, посаженного Эдди три дня назад в приступе тоски. Он швырнул в нахалку камнем, и та, бесшумно перелетев на ветку дуба, стала дожидаться, пока враг уберется. Эдди не поленился повторить процедуру. Ворона перебралась на другую ветку. Эдди, разозлившись, замахнулся, но птица проигнорировала его. Тогда он поднял ногу, подражая размашистым движениям Карла Хаббелла, и попытался достать ворону, почти задев ветку. Птица без особенной спешки переместилась ближе к стволу. Эдди, теперь уже в стиле рваных ритмов Диззи Дина, с головокружительной скоростью нанес удар, но промахнулся, а ворона даже головы не повернула. Что же, всякое бывает когда действуешь впопыхах.

Эдди нашел подходящий круглый камешек и умело, как настоящий профессионал, потер его о задний карман. Потом оглянулся, чтобы ввести в заблуждение противника, и напрягся, ожидая сигнала. Эдди Хаббелл Дин Мунго

Феллер Ферреллъ Уорник Гомес Барнс[1 - Перечисляются имена знаменитых джазменов тридцатых годов.] поднял ногу и выдал свой знаменитый правой. Ворона неспешно снялась с ветки и неохотно улетела.

Эдди подошел к грядкам, потыкал носком ботинка в разворошенную землю и присмотрелся к семенам редиса. Похоже, ничего особенного с ними не случилось. Так и лежали на земле, голые, на тех же местах, куда он их бросил. Ни зелени, ни корней, ни редиски. Ничего. Зря он решил податься в фермеры. Пакетик семян стоил целый дайм[2 - Десять центов.], а теперь получается, что вороны угощаются за его денежки! А дайм ему пригодился бы, да еще как! Сегодня у него свидание!

– Я иду на свидание, – объявил он вслух, наслаждаясь каждым звуком, и отодвинулся в тень беседки, увитой виноградом, чтобы хорошенько об этом поразмыслить. Усевшись на скамейку под прохладными разлапистыми листьями, он стал думать. До этого у него ни разу в жизни не было свидания. И в кармане лежало всего тридцать пять центов. Правда, этого должно хватить для любой девушки, но не купи он семена редиса, имел бы сейчас сорок пять центов и был бы готов к любым непредвиденным обстоятельствам.

– Чертова ворона, – пробормотал Эдди, вспомнив хищный клюв, выбиравший из земли его семена.

Вот уже который раз он удивлялся собственной ловкости. Как же это ему удалось в два счета назначить свидание? Теперь же все стало ясно. Внезапность. Быстрота и натиск. Ты подплываешь к девушке, лениво лежащей на плотике посреди озера, смотришь на нее, такую пухленькую в голубом купальнике, а она поднимает на тебя серьезные глаза, в которых отражаешься ты, блестящий от воды, с цыплячьей безволосой грудью, и тут тебя внезапно прорывает:

– Похоже, ты не особенно занята завтра вечером, верно?

Ты сам не знаешь, с чего вдруг завел этот разговор, зато она сразу все понимает:

– Ну да, Эдди, так и есть. Часиков в восемь, ладно?

А ты, кивнув, срываешься обратно в воду. Дело сделано.

И все же эти семена редиса – воронья еда, этот лишний десятицентовик…

Из дома вышел Лоренс, очень чистенький и прилизанный в шортах цвета хаки и белой рубашечке. Он сел рядом с Эдди, непрерывно работая пальцами.

– Ужасно хочется клубничного мороженого с содовой, – вздохнул брат.

– Деньги есть? – с надеждой поинтересовался Эдди.

Лоренс покачал головой.

– Значит, никакого мороженого с содовой, – заключил Эдди.

Лоренс серьезно кивнул.

– А у тебя? – в свою очередь, спросил он.

– Кое-что имеется, – осторожно ответил Эдди и, сорвав виноградный лист, смял его в ладонях и стал критически разглядывать.

Лоренс ничего не сказал, но Эдди ощутил напряжение, растущее, словно опухоль.

– Нужно экономить, – резко пояснил он. – Иду на свидание, а в кармане всего тридцать пять центов. Откуда мне знать, вдруг ей взбредет в голову попросить банановый сплит[3 - Десерт из фруктов с орехами и мороженым.]!

Лоренс снова кивнул в знак того, что все понимает, но уголки рта опустились, и печаль приливной волной омыла его лицо.

Они долго сидели в неловком молчании, прислушиваясь к шелесту виноградных листьев.

– Пока я упражнялся, – вдруг выпалил Лоренс, – все время думал: хочу клубничное мороженое с содовой, хочу клубничное мороженое с содовой…

Эдди резко вскочил.

– А-а-а, пойдем-ка отсюда. Прогуляемся к озеру. Может, там кого встретим.

Они молча направились через поля к озеру. Лоренс продолжал механически сгибать и разгибать пальцы.

– Да прекрати же! – прикрикнул Эдди. – Не надоело?

– Но это полезно для пальцев. Расслабляет.

– Меня от тебя тошнит.

– Ладно, – согласился Лоренс, – не буду.

Они снова тронулись в путь. Лоренс едва доставал Эдди до подбородка, худенький, аккуратный, с темно-рыжими волосами, откинутыми назад с высокого розового лба. По пути он насвистывал, и Эдди слушал брата с плохо скрытым уважением.

– Неплохо, – признал он. – Совсем неплохо.

– Это из второго фортепьянного концерта Брамса, – сообщил Лоренс, на секунду прерывая свист. – Легкая мелодия.

– Ну и надоел ты, – пробормотал Эдди, – как чирей в заднице.

На озере не было ни души. Плоское, невозмутимо спокойное, оно простиралось на многие мили, как огромная голубая чаша. На другом берегу темнел лес.

– Никого, – удивился Эдди, глядя на неподвижный плотик на воде. – Вот и хорошо. Вечно здесь народу до чертиков.

Он внимательно обшаривал глазами каждый уголок, вплоть до самых дальних.

– Как насчет того, чтобы покататься на лодке? – осведомился он.

– Но у нас нет лодки, – резонно возразил Лоренс.

– Я тебя не об этом спрашиваю. Хочешь поработать веслами?

– Неплохо бы, но у нас…

– Заткнись! – перебил Эдди и, взяв Лоренса за руку, повел сквозь высокую траву к самой кромке воды, где была пришвартована старая плоскодонка. Вода лизала высокие борта, выкрашенные красной, выцветшей от времени краской. На дне лежала пара тяжелых весел.

– Прыгнешь, когда прикажу, – бросил Эдди.

– Но она чужая.

– Ты хочешь покататься или как?

– Да, но…

– Тогда прыгай, когда дам знак.

Лоренс предусмотрительно снял сандалии и носки, пока Эдди сталкивал лодку в воду.

– Давай! – позвал Эдди.

Лоренс прыгнул. Лодка заскользила по гладкой поверхности. Эдди старательно греб, пока они не выбрались из тростника.

– Ничего, а?

Эдди нажал на весла.

– Чудесно! – с энтузиазмом отозвался Лоренс. – Так мирно, спокойно.

– А-а-а, – отмахнулся брат, – ты и выражаешься, как пианист.

Он продолжал грести, пока не устал, а потом предоставил лодке качаться на волнах, а сам лег и, болтая в воде рукой, стал думать о наступающем вечере.

– Вот бы меня увидели дружки с Семьдесят третьей улицы, – вздохнул он, – не поверили бы, как ловко я управляюсь с этой дряхлой развалиной.

– Все было бы чудесно, – поддакнул Лоренс, убирая ноги подальше от воды, скопившейся на дне, – если бы мы знали, что, выйдя из лодки, отправимся покупать клубничное мороженое с содовой.

– Почему бы тебе не подумать о чем-нибудь другом? Вечно ноешь! Неужели не надоело?

– Нет, – признался Лоренс, немного поразмыслив.

– На вот, возьми! – крикнул Эдди, подтолкнув весла поближе к брату. – Греби. Может, отвлечешься немного.

Лоренс нехотя схватился за рукояти.

– Это вредно для рук, – объяснил он, послушно налегая на весла. – Пальцы немеют. Гибкость пропадает.

– Смотри, куда правишь! – нетерпеливо заорал Эдди. – Кружимся на одном месте! Какой, к черту, смысл вертеться юлой?

– Лодка сама так идет, – пояснил Лоренс, стараясь изо всех сил. – Что я могу поделать, когда это само собой получается?

– Пианист. Настоящий пианист, ни дать ни взять. Отдай весла!

Лоренс с благодарным вздохом подчинился.

– При чем тут я, если лодка вертится? Так уж она сделана, – не сдавался он.

– А-а-а, заткнись, – прошипел Эдди, бешено работая веслами. Лодка ринулась вперед, разрезая носом вспенившиеся волны.

– Эй, там, на лодке! Эй! – окликнул кто-то.

– Эдди, – прошептал Лоренс, – там кто-то орет.

– Давай сюда, пока я не выколотил пыль из твоих штанов! – продолжал мужчина. – Немедленно верните мою лодку!

– Он хочет, чтобы мы отдали ему лодку, – перевел Лоренс. – Должно быть, она принадлежит ему.

– Да неужели?! – саркастически фыркнул Эдди и, обернувшись, крикнул мужчине, лихорадочно махавшему руками: – Ладно-ладно, так и быть, вернем мы тебе твою посудину! Не трясись!

Мужчина от злости даже подпрыгнул.

– Да я вам головы оторву! – взвизгнул он.

Лоренс нервно вытер нос.

– Эдди, почему бы нам не причалить к другому берегу и не вернуться домой пешком?

Эдди презрительно посмотрел на брата и сплюнул.

– Ты что, трусишь?

– Нет, – нерешительно возразил Лоренс, – но зачем нам лишние неприятности?

Вместо ответа Эдди сильнее налег на весла. Лодка полетела по воде. Лоренс, прищурившись, рассматривал быстро приближавшуюся фигуру незнакомца.

– Он настоящий верзила, Эдди! Ты никогда не видел такого великана. И, похоже, он здорово зол. Может, нам не следовало брать эту лодку? Может, ему не нравится, когда люди катаются на его лодке? Эдди, ты меня слышишь?

Эдди последним героическим усилием добрался до берега. Днище с ужасным скрежетом проехалось по придонной гальке.

– О Господи, – охнул мужчина, – моей лодке конец!

– Вовсе нет, мистер, ничего страшного, – заверил Лоренс. – Больше шума, чем дела. Ей это не повредит.

Мужчина одной рукой схватил мальчика за шиворот и выволок на землю. Лоренс не соврал: тот оказался настоящим великаном, с заросшей щетиной физиономией, двойным подбородком и мускулистыми, покрытыми волосами лапами. Рядом стоял пацан лет тринадцати, судя по сходству, его сын, тоже не в лучшем настроении.

– Дай ему, па! – завопил он. – Врежь как следует!

Мужчина принялся трясти Лоренса, слишком взбешенный, чтобы говорить.

– Значит, ничего страшного? Больше шума, вот как? – загремел он наконец. – Я покажу тебе шум! Покажу тебе «ничего страшного»!

Эдди выбрался из лодки, захватив с собой весло. Он был готов к самому худшему.

– Это нечестно, – заявил он. – Взгляните, насколько вы больше его! Привязались бы к кому-нибудь своих габаритов!

Парнишка азартно подскакивал, в точности как отец:

– Давай я подерусь с ним, па! Я ему покажу! Он с меня ростом. Давай, парень, поднимай кверху лапки!

Фермер перевел взгляд с сына на Лоренса и медленно разжал руки.

– О’кей, – кивнул он. – Покажи ему, Натан.

Натан толкнул Лоренса.

– Пойдем-ка в лес, малыш, – злобно ухмыльнулся он, – там поговорим.

– В глаз, – прошипел Эдди уголком губ. – Дай ему в глаз, Ларри.

Но Лоренс стоял с опущенной головой и рассматривал руки.

– Ну? – поторопил фермер.

Лоренс продолжал медленно сжимать и разжимать кулаки.

– Он не хочет драться, – подначивал Натан. – Ему бы только в чужих лодках раскатывать, а вот отвечать не слишком торопится!

– Ничего подобного, он будет драться, – набычившись, буркнул Эдди и пробормотал себе под нос: – Давай же, Ларри, двинь ему в морду, прямо в хлебальник…

Лоренс по-прежнему не двигался с места, размышляя, казалось, о Брамсе с Бетховеном и далеких концертных залах.

– Он трус, вот кто! – закричал Натан. – Наложил в штаны, как все городские!

– Он не трус, – вскинулся Эдди, в глубине души сознавая, что Натан прав. – Давай же, – велел он, подтолкнув Ларри коленом. – Работай левой! Пожалуйста, Ларри, работай левой.

Но глухой ко всем мольбам Лоренс продолжал стоять столбом, опустив руки.

– Трус! Размазня! – надрывался Натан.

– Ну, – допытывался фермер, – он будет драться или нет?

– Ларри! – возопил Эдди со всем отчаянием пятнадцатилетнего мальчишки, но на Лоренса это ничуть не подействовало. Эдди медленно повернул к дому, коротко бросив: – Не будет он драться. – И пренебрежительно, будто швырнув кость соседской собаке, окликнул: – Эй, ты, идем…

Ларри осторожно нагнулся. Подобрал носки и сандалии и шагнул за братом.

– Погоди-ка! – позвал фермер и, бросившись за Эдди, повернул его к себе лицом. – Я хочу потолковать с тобой.

– Да? – грустно, почти без вызова отозвался Эдди. – Что вам надо, мистер?

– Видишь вон тот дом? – спросил фермер.

– Угу. И что же?

– Это мой дом. Держись от него подальше.

– Ладно, ладно, – устало пробормотал Эдди, мигом забыв о гордости.

– А лодку видишь? – допытывался фермер, тыча пальцем в источник всех неприятностей.

– Вижу, – буркнул Эдди.

– Это моя лодка. И близко к ней не подходи, если не хочешь, чтобы из тебя пыль выколотили.

– Ладно, ладно! Пальцем не дотронусь до твоей поганой лодки! – выпалил Эдди и снова повернулся к Лоренсу: – Пойдем, ты…

– Мокрая курица! Желтопузый[4 - Обычное в Америке прозвище трусов.]! – надрывался от крика Натан, продолжая подпрыгивать, пока они не скрылись из виду.

Дорога вилась среди зеленеющих полей, над которыми стоял запах цветущего клевера. Эдди шагал впереди брата. Лицо оставалось угрюмо-напряженным, уголки губ горько опущены: очевидно, он по-прежнему сгорал от стыда. И почти с наслаждением давил головки клевера, как самую ненавистную на земле гадину, словно хотел навсегда уничтожить зелень, корни, самую почву, в которой они росли.

Лоренс, с низко опущенной головой, так что виднелась только прилизанная макушка, плелся следом с сандалиями в руках, стараясь ступать в следы, оставленные братом.

– Желтопузый, – бормотал Эдди достаточно громко, чтобы слышал идущий позади преступник. – Желтый, как подсолнух! Мой собственный брат! Подумать только! Да я скорее позволил бы себя убить, чем разрешил кому-нибудь так себя назвать! Лучше пусть мне сердце вырвут! Мой собственный брат. Желтый, как подсолнух! Всего разок дать в глаз! Один! Чтобы показать ему… Но он стоит столбом, слушая лай поганца в дырявых штанах! Пианист. Лорррренс! Видать, знали, что делали, когда назвали тебя Лорррренсом! И не смей со мной разговаривать! Я с тобой и словом не обмолвлюсь, пока жив! Лорррренс!

Охваченные глубочайшей, как океан, печалью, не оставившей места для слез, братья добрались до дома, все еще разделенные расстоянием в десять футов… вернее, десять миллионов миль.

Эдди, не глядя по сторонам, отправился в виноградную беседку и растянулся на скамье. Лоренс, с бледным, застывшим лицом, долго смотрел вслед брату, прежде чем войти в дом.

Лежа на скамейке лицом вниз, совсем близко к черной жирной земле, Эдди кусал пальцы, чтобы не разреветься. Но, видно, так и не сумел сжать зубы достаточно сильно, и слезы хлынули соленой волной, сбегая по щекам и падая на мягкую почву, в которой укоренились лозы.

– Эдди!

Эдди кое-как перевернулся, успев смахнуть слезы. У входа стоял Лоренс натягивая замшевые перчатки на маленькие ладошки.

– Эдди, – повторил он, притворяясь, что не замечает слез брата, – я хочу, чтобы ты пошел со мной.

Эдди молча, но с сердцем, переполненным радостью до такой степени, что на мокрых глазах снова выступили слезы, встал, высморкался и направился за братом. Догнал его, и они пошли рядом по клеверному полю, так легко ступая, что пурпурные головки почти не гнулись под подошвами.

Эдди настойчиво постучал в дверь. Три раза. Громко. Уверенно. В душе пели победные трубы.

На пороге показался Натан.

– Чё надо? – с подозрением осведомился он.

– Недавно, – сухо объявил Эдди, – ты предлагал моему брату подраться. Он готов.

Натан взглянул на Лоренса, вытянувшегося в струнку, с высоко поднятой головой. Пухлые детские губы сжаты в ниточку, руки в перчатках кажутся непомерно большими.

– Ну уж нет, – возразил он, пытаясь захлопнуть дверь. – У него был шанс.

Но Эдди успел вовремя вставил в щель ногу.

– Ты сам предложил, верно? – вежливо напомнил он.

– Тогда и надо было драться, – упрямо твердил Натан. – У него был шанс.

– Ну же, – почти умолял Эдди, – ты же хотел драться.

– Это было раньше. Убери лапы!

За спиной Натана появился отец и непонимающе уставился на непрошеных гостей.

– Что тут такое?

– Недавно, – выпалил Эдди, как из пулемета, – ваш парень предложил подраться вот с этим парнем. – Он красноречивым жестом показал сначала на Натана, потом на Лоренса. – Теперь мы согласны.

Фермер взглянул на сына:

– Ну?!

– Раньше надо было, – мрачно буркнул Натан.

– Натан не желает драться, – сообщил фермер. – Проваливайте.

Лоренс подступил к Натану. Взглянул ему в глаза.

– Желтопузый, – тихо, но отчетливо бросил он.

Фермер вытолкнул сына вперед.

– Иди дерись, – приказал он.

– Пошли, поговорим в лесочке, – позвал Лоренс.

– Выдай ему, Ларри! – крикнул вслед Эдди, когда мальчишки зашагали к рощице, не обгоняя друг друга, но и не сближаясь. Эдди молча провожал их взглядом, пока оба не скрылись за деревьями.

Фермер тяжело плюхнулся на крыльцо, вынул пачку сигарет и протянул Эдди:

– Хочешь?

Эдди неожиданно для себя взял сигарету.

– Спасибо.

Фермер зажег спичку и, не говоря ни слова, уселся поудобнее, опершись спиной о столбик крыльца. Эдди нервно слизнул с губ крошки табака своей первой сигареты.

– Садись, – пригласил фермер, – никогда не знаешь, сколько ребятишки там провозятся.

– Спасибо, – повторил Эдди, отважно затягиваясь сигаретой и медленно, с истинно природным талантом выдыхая дым.

В дружелюбном молчании оба смотрели на рощу, заслонявшую поле брани. Ветви деревьев тихо покачивались на ветру, полуденное солнце протянуло между толстыми коричневыми стволами длинные голубые тени, от самых корней. Над полем лениво парил ястреб, скользя по ветру. Фермер беззлобно прищурился, чтобы получше его рассмотреть.

– Когда-нибудь, – пообещал он, – я достану этого сукина сына.

– Кого? – поинтересовался Эдди, предварительно вынув на всякий случай сигарету изо рта.

– Ястреба. Ты ведь городской, верно?

– Угу.

– Ну как там, в городе?

– Лучше не бывает.

Фермер задумчиво затянулся.

– Рано или поздно я переберусь в город. В наши дни нет смысла жить в деревне.

– О, не говорите, – вежливо запротестовал Эдди. – Здесь тоже неплохо. В пользу деревни многое можно сказать.

Фермер кивнул, обдумывая сказанное, и придавил окурок.

– Еще сигарету?

– Нет, спасибо, – отказался Эдди. – Я еще эту не докурил.

– Послушай, как по-твоему, твой брат наподдаст моему парню?

– Возможно. Мой братец – крепкий орешек. Дерется как бешеный с кем ни попадя. На нашей улице все его боятся. Да вот, помню, – продолжал Эдди, окончательно теряя связь с реальностью, – как Ларри подрался с тремя по очереди и уложил всех за полчаса! Раскровенил им носы. Всего за полчаса! У него потрясный удар левой: раз, два, бац – и в нюхалку!

– Ну нос Натана ничем не испортишь, – засмеялся фермер. – Что с ним ни делай, хуже все равно не будет!

– Мой брат ужасно талантлив, – продолжал бахвалиться Эдди, до невозможности гордый воином, сражавшимся в лесах. – Играет на пианино, да как здорово! Вот бы вам его послушать!

– Такой малыш? – поразился фермер. – А Натан ничего не умеет.

Вдалеке, под деревьями, показались две фигурки, медленно продвигавшиеся к солнцу. На этот раз они шагали бок о бок. Эдди и фермер встали. Противники, бессильно болтая руками, неспешно направлялись к ним.

Сначала Эдди оглядел Натана. Губы разбиты, на лбу шишка, ухо багровое. Здорово! Значит, ему досталось!

Эдди медленно направился к брату. Лоренс шел с высоко поднятой головой. Но вот только голове этой туго пришлось. Волосы спутаны, один глаз закрыт, из носа все еще капает кровь. Время от времени Лоренс слизывал красную струйку языком. Воротник рубашки порван, к штанам пристал сор, на голых коленках

ссадины. Но в единственном приоткрытом глазу сиял чистый свет: благородный, неукротимый, отважный.

– Пойдем домой, Эдди? – спросил Лоренс.

– Куда же еще!

Эдди уже хотел было похлопать Лоренса по спине, но передумал, поспешно отдернул руку и вдруг повернулся и помахал фермеру:

– Пока.

– Пока, – отозвался тот. – Если понадобится лодка, бери, когда захочешь!

– Спасибо.

Эдди подождал, пока Лоренс и Натан обменяются торжественным рукопожатием.

– Доброй ночи, – пожелал Лоренс. – Хорошая была драка.

– Угу, – согласился Натан.

Братья пошли назад, по душистому полю клевера, разукрашенному вечерними тенями. Половину пути они прошагали в молчании, молчании равных, сильных мужчин, общавшихся на языке, куда более красноречивом, чем любые слова. Единственным звуком, нарушавшим тишину, было позвякивание мелочи в кармане Эдди.

Внезапно Эдди остановил Лоренса.

– Может, туда? – предложил он, указывая направо.

– Но дом в другой стороне, Эдди.

– Знаю. Давай пойдем в город. Раздобудем мороженого с содовой, – объявил Эдди. – Клубничного мороженого с содовой.

1939

Монумент

– Не нужно мне его фирменного виски, – твердо заявил Макмахон. Дунул в стакан, тщательно протер его. – Есть у меня мнение насчет его фирменного виски.

На лице мистера Гриммета, сидевшего у стойки на высоком стуле, отразилась печаль, а Тезинг пожал плечами, как коммивояжер, не проигравший стычку, но изменивший позицию, чтобы перейти в новую атаку. Макмахон взял другой стакан в свои чистые мягкие руки бармена, вытер, и его лицо под поблескивающей сквозь прилизанные волосы лысиной оставалось строгим и решительным. Кроме них троих, в баре, расположенном в ближайшей ко входу части ресторана, никого не было.

Обычное дело для трех часов пополудни. В дальнем углу спорили трое официантов. В три часа они ежедневно кучковались там и спорили.

– Фашизм, – говорил один официант, – генеральная репетиция перед открытием большого кладбища.

– Ты это где-то вычитал, – ответил ему второй.

– Да, – согласился первый, – где-то вычитал.

– Итальянец, – сказал третий первому. – Ты – еще один паршивый итальянец.

Мистер Гриммет обернулся, крикнул официантам:

– Пожалуйста, такие дискуссии приберегите для дома. Это ресторан, а не «Мэдисон-Сквер-Гарден»!

И вновь уставился на Макмахона, протирающего стаканы. Трое официантов ответили одинаково ненавидящими взглядами.

– Многие лучшие бары города, – вкрадчиво заговорил Тезинг, – продают наше фирменное виски.

– Многим лучшим барам города, – Макмахон с силой нажимал на полотенце, – следовало бы теперь называться конюшней.

– Забавно. – Тезинг очень естественно рассмеялся. – Забавный он парень, не так ли, мистер Гриммет?

– Билли, – мистер Гриммет наклонился вперед, не обращая внимания на Тезинга, – прислушайся к голосу здравого смысла. Когда речь заходит о напитках, которые надо смешивать, никто не сможет сказать, сколько ты заплатил за ржаное виски. В этом особая прелесть коктейлей.

Макмахон молчал. Только на щеках и лысине прибавилось красноты, а стаканы на полках недовольно задребезжали, когда он с силой поставил туда очередной. Невысокий, крепко сбитый толстячок, он царил за стойкой, и, наблюдая за его движениями, можно было легко понять, весел он, зол или встревожен. Обуревавшие его чувства проявлялись и в манере смешивать напитки, и в движениях протирающих стаканы рук. Сейчас он определенно злился, и мистер Гриммет это видел. Ссориться мистеру Гриммету не хотелось, но речь шла о возможности сэкономить приличные деньги. Он обратился к Тезингу:

– Скажи мне правду, Тезинг. Ваше фирменное виски – дерьмо?

– Ну, – уклончиво начал Тезинг, – многим оно очень даже нравится. Для купажированных продуктов у него отменное качество.

– Купажированная олифа, – сообщил Макмахон полкам со стаканами. – Тщательно смешанный проявитель.

Тезинг рассмеялся тем смехом, что он брал на вооружение с девяти утра до шести вечера.

– Остроумный у вас бармен, мистер Гриммет.

Макмахон развернулся к нему, набычился.

– Я это серьезно, – тут же добавил Тезинг. – Без всяких шуток.

Макмахон начал насвистывать арию тенора из «Паяцев». Смотрел в потолок, протирал стакан и насвистывал. Мистера Гриммета охватило желание незамедлительно уволить его, но он вспомнил, что такое желание появлялось у него как минимум дважды в месяц.

– Пожалуйста, перестань свистеть, – вежливо попросил он. – Мы обсуждаем деловой вопрос.

Макмахон перестал свистеть, но желание уволить его у мистера Гриммета не пропало.

– Времена сейчас суровые. – Мистер Гриммет ненавидел себя за то, что ему приходится прибегать к подобной тактике в разговоре с наемным работником. – Не забывай, Макмахон, Кулиджа[5 - Кулидж, Джон Калвин (1872–1933) – 30-й президент США (1923–1929), республиканец.] в Белом доме уже нет. Наверное, я последний, кто готов поступиться качеством, но мы должны получать прибыль, а на дворе 1938 год.

– Фирменное виски Тезинга испортит желудок даже здоровой лошади, – ответил Макмахон.

– Муссолини! – донесся от дальней стены голос первого официанта. – Каждый день я вижу на Бродвее сорок пять актеров, которые справились бы с этой ролью гораздо лучше.

– Я хочу сказать тебе только одно, – говорил мистер Гриммет предельно спокойно. – Владелец этого ресторана – я.

Макмахон вновь просвистел что-то из «Паяцев». Тезинг на всякий случай сдвинулся к краю бара.

– Я заинтересован в получении прибыли, – продолжил мистер Гриммет. – Что бы ты ответил, Макмахон, если бы я приказал тебе использовать в коктейлях фирменное виски Тезинга?

– Я бы ответил: «Я увольняюсь, мистер Гриммет. И ноги моей за этой стойкой больше не будет».

Мистер Гриммет со вздохом потер подбородок, холодно посмотрел на официантов у дальней стены. Официанты молчали, отвечая такими же холодными взглядами.

– В чем, собственно, дело? – В голосе мистера Гриммета зазвучали злые нотки. – Да, я хочу поменять сорт виски. Какая тебе разница? Ты же не должен его пить.

– В моем баре… – Макмахон положил полотенце на стойку, поставил стакан и посмотрел работодателю в глаза. – В моем баре подают качественные напитки.

– Никто ничего не заметит! – Мистер Гриммет слез со стула, в возбуждении стал расхаживать туда и обратно. – Что американцы знают о спиртном? Ничего! Об этом написано в любой книге, в любой газете.

– Это правда, – вставил Тезинг. – Все эксперты едины во мнении, что американцы не способны отличить красное вино от шоколадного молока с кленовым сиропом.

– В моем баре, – упершись руками в стойку, повторил Макмахон, и его лицо густо покраснело, – подают только качественные напитки.

– Упрямец! – воскликнул мистер Гриммет. – Упрямый ирландец! Ты делаешь это из злобы. Хочешь, чтобы я терял по семь долларов на ящике виски, потому что недолюбливаешь меня. В этом причина, так?

– Не надо кричать, – сказал Макмахон ровным, спокойным голосом. – Я хочу кое-что напомнить вам. Я работаю у вас со дня отмены «сухого закона», мистер Гриммет. Сколько раз за это время вам пришлось расширять бар?

– Не то у меня сейчас настроение, чтобы углубляться в историю! – все так же кричал мистер Гриммет. – Что толку в баре длиной с «Нормандию», если он не приносит максимальной прибыли?

– Ответьте на мой вопрос, – гнул свое Макмахон. – Сколько раз?

– Три, – пробурчал мистер Гриммет. – Ладно, три.

– Бар сейчас в три раза больше, чем шесть лет назад, – говорил Макмахон тоном профессора математики, объясняющего постулат номер один с тем, чтобы перейти к постулату номер два. – И, позвольте вас спросить, почему?

– Случайность! – воскликнул мистер Гриммет, устремив взгляд к потолку. – Судьба! Рузвельт! Рука Господа! Откуда мне знать?

– Так я вам скажу, – все тем же профессорским тоном продолжал Макмахон. – Люди, которые приходят в этот бар, знают, что здесь они получат лучшие «манхэттены», лучшие мартини, лучшие «дайкири», какие только можно получить на этом свете. Смешанные из лучших ингредиентов и с большой любовью, мистер Гриммет.

– Один коктейль по вкусу не отличается от другого, – не унимался мистер Гриммет. – Щеки раздувают многие, а на самом деле никто ни в чем не разбирается.

– Мистер Гриммет, – голос Макмахона сочился нескрываемым презрением, – сразу видно, что вы – человек непьющий.

По лицу мистера Гриммета было заметно, что он лихорадочно ищет новые доводы, чтобы защитить свою позицию. Наконец его брови взлетели вверх: он их нашел. Вновь взобрался на стул и вкрадчиво обратился к Макмахону:

– А тебе не приходило в голову, что люди приходят в этот ресторан, потому что здесь их вкусно кормят?

– Я скажу вам, что думаю о Грете Гарбо, – заполнил паузу голос первого официанта. – Лучше ее нет никого.

Несколько мгновений Макмахон смотрел в глаза мистеру Гриммету. Потом его губы искривила горькая улыбка. Он глубоко вздохнул, как вздыхает человек, решивший поставить на лошадь, не выигрывавшую четырнадцать заездов подряд.

– Хотите знать, что я думаю о еде, которую подают в вашем ресторане, мистер Гриммет? – сухо спросил Макмахон.

– У меня лучшие повара, – без запинки ответил тот. – Лучшие повара в Нью-Йорке.

Макмахон медленно кивнул:

– Лучшие повара и худшая еда.

– Думай, – рявкнул мистер Гриммет, – думай, что говоришь!

– Любое дерьмо, которое повар может сервировать под конфетку, здесь подают на стол. – Теперь Макмахон обращался к Тезингу, начисто забыв про мистера Гриммета. – Заливают соусом и подают. Однажды я съел в этом ресторане стейк из филе…

– Думай, что говоришь, Макмахон! – Мистер Гриммет слетел со стула и подбежал к бармену.

– Разве можно испортить стейк, если он действительно из филе? Разумеется, нет. Его надо поджарить, и все дела. Если срезаешь с бычка кусок отличного мяса, он будет таким же и в твоей тарелке. Если стейк плохой…

– Я плачу за продукты хорошую цену! – крикнул мистер Гриммет. – Не потерплю намеков на то…

– Я бы не привел в этот ресторан собаку, чтобы она съела стейк из филе. – Макмахон его не слушал. – Даже молодую собаку с зубами как у льва.

– Ты уволен! – Мистер Гриммет хрястнул кулаком по стойке. – Ресторан обойдется без твоих услуг.

Макмахон поклонился:

– Меня это устраивает. Полностью устраивает.

– Да ладно вам, ладно, – попытался примирить их Тезинг. – Стоит ли ссориться из-за такого пустяка, как наше фирменное ржаное виски…

Макмахон уже снимал фартук.

– У этого бара есть репутация. У меня есть репутация. Я ею горжусь. Нет смысла работать там, где моей репутации может быть нанесен ущерб.

Макмахон аккуратно сложил фартук, бросил его на вешалку для полотенец, взял с полки деревянную табличку с надписью золотыми буквами «Уильям Макмахон, ответственный». Мистер Гриммет с тревогой наблюдал, как Макмахон открывает навесную решетчатую дверцу, отделяющую стойку от ресторанного зала.

– К чему такая спешка, Билли? – спросил он под скрип петель дверцы. Вновь он ненавидел себя за просительные нотки в голосе, но Уильям Макмахон действительно был одним из лучших барменов Нью-Йорка.

Макмахон остановился, удерживая дверцу.

– Ноги моей за этой стойкой больше не будет.

Он отпустил дверцу.

– Я скажу тебе, что сделаю. – Мистер Гриммет ненавидел себя все больше и больше. – Я пойду на компромисс. Я увеличу твое еженедельное жалованье на пять долларов. – Он подавил горестный вздох и посмотрел Макмахону в глаза.

Макмахон постукивал табличкой по стойке.

– Я хочу, чтобы вы уяснили простую истину, мистер Гриммет, – мягко заговорил он. – В принципе деньги меня не интересуют. Меня интересует совсем другое.

– Не так уж ты отличаешься от всех остальных, – с достоинством изрек мистер Гриммет.

– Я проработал двадцать пять лет. – Макмахон все постукивал по стойке табличкой с надписью «Уильям Макмахон, ответственный». – И всегда мог заработать на кусок хлеба. Но я тружусь не только ради куска хлеба. Я тружусь ради чего-то более важного. Последние шесть лет я работаю здесь днем и вечером. Множество достойных людей приходят сюда, чтобы выпить, как положено леди и джентльменам. Им нравится этот бар. Им нравлюсь я.

– Кто ж спорит с тем, что тебя все любят, – нетерпеливо бросил мистер Гриммет. – Мы обсуждаем деловой вопрос, норму прибыли.

– Мне нравится это место. – Макмахон посмотрел на табличку, которую держал в руке. – Я думаю, это очень хороший бар. Я сам его спланировал. Так? – Он поднял глаза на мистера Гриммета.

– Ты его спланировал. Готов дать письменные показания и подписаться под ними. Ты его спланировал. – В голосе мистера Гриммета звучала издевка. – Но какое это имеет отношение к фирменному виски Тезинга?

– Если здесь все хорошо, – продолжал Макмахон, не повышая голоса, – люди могут сказать, что это заслуга Уильяма Макмахона. Если что-то будет не так, люди могут сказать, что это промашка Уильяма Макмахона. Мне это нравится, мистер Гриммет. Когда я умру, люди, возможно, будут говорить: «Уильям Макмахон оставил после себя памятник, бар в ресторане Гриммета. За всю свою жизнь он ни разу не смешал плохого коктейля». – Макмахон достал из стенного шкафа пальто. – Памятник. Монумент. Мне не создать монумента из фирменного виски Тезинга. Мистер Гриммет, я думаю, вы просто болван.

Макмахон чуть поклонился обоим мужчинам и направился к двери. Мистер Гриммет шумно сглотнул, а потом крикнул во весь голос:

– Макмахон! – Бармен обернулся. – Хорошо. Возвращайся.

Макмахон указал на Тезинга.

– Все, что ты скажешь! – выпалил мистер Гриммет. – Любое чертово виски, какое ты захочешь.

Макмахон улыбнулся, прошествовал к стенному шкафу, повесил пальто, достал из кармана табличку. Прошел за стойку, надел фартук. Тезинг и мистер Гриммет не сводили с него глаз.

– Я хочу от тебя одного, – выдавил мистер Гриммет. – Только одного.

– Да, сэр.

– Я хочу, чтобы ты не разговаривал со мной. И сам не буду к тебе обращаться. Никогда.

Тезинг молча взял шляпу и двинулся к двери.

– Да, сэр.

Мистер Гриммет зашагал к кухне.

– Я вам кое-что скажу насчет дебютанток, – говорил у дальней стены первый официант. – Их очень уж захваливают.

Макмахон завязал тесемки фартука и аккуратно поставил на прежнее место, на полку среди бутылок виски, табличку с надписью «Уильям Макмахон, ответственный».

1939

Греческий полководец

– Я сделал это, – продолжал твердить Алекс. – Клянусь, что сделал.

– Рассказывай сказки, – сказал Фланаган. – Обожаю слушать сказки.

– Богом клянусь, – повторил Алекс, начиная испытывать страх.

– Давай двигай! – Фланаган рывком поднял Алекса на ноги. – Мы собираемся в Нью-Джерси. Хотим вернуться на место преступления, которого так и не совершили.

– Ничего не понимаю, – тараторил Алекс. Он поспешно влез в пальто и, оставив дверь открытой, заторопился вниз по лестнице следом за Фланаганом и Сэмом. – Совершенно не понимаю.

Фланаган с Алексом разместились на заднем сиденье, и Сэм повел машину по пустынным ночным улицам.

– Я делал все как надо и очень внимательно, – рассказывал взволнованный Алекс. – Насквозь пропитал этот проклятый дом лигроином. Ничего не забыл. Ты же знаешь меня, Фланаган. Я умею делать дело…

– Да-а… – протянул Фланаган. – Эксперт мирового класса Александр! В любой ситуации действует не менее эффективно, чем великий греческий полководец. Только дом почему-то не загорелся. Все. Конец сказки.

– Нет, честно, я ничего не понимаю. – Алекс с недоумением покачал головой. – Я положил фитиль в кучу тряпья, пропитанного таким количеством лигроина, что в нем можно было бы искупать слона. Богом клянусь!

– Но дом почему-то не загорелся, – подытожил Фланаган. – Все было сделано классно, только дом не пожелал гореть. Ой, как мне хочется двинуть тебе в брюхо!

– Послушай, Фланаган, – возмутился Алекс, – почему это тебе вдруг захотелось двинуть мне в брюхо? Я старался изо всех сил. Сэм, – обратился он к водителю, – скажи ему… Ведь ты меня знаешь. Разве у меня плохая репутация?

– Нормальная, – буркнул Сэм, не отрывая взгляда от идущих впереди машин.

– Господи, Фланаган, скажи, с какой стати, по-твоему, я мог захотеть отвалить? Какая мне от этого польза? Ответь мне на этот простой вопрос.

– Меня, Алекс, начинает от тебя тошнить. Тошнить, и очень сильно, – сказал Фланаган, достал пачку сигарет и, не предложив Алексу, закурил, после чего принялся следить за тем, как полицейский взимает с Сэма плату за проезд через туннель Холланд.

Через туннель они ехали молча, и лишь Сэм один раз нарушил тишину.

– Классный туннель, – сказал он. – Великое достижение инженерной мысли. Посмотрите, копов расставили через каждые сто ярдов.

– От тебя меня тоже воротит, – сказал Фланаган, и дальше они молчали до тех пор, пока не оказались на скоростной магистрали.

Вид чистого, усыпанного звездами неба, по-видимому, чуть успокоил Фланагана, и он, сняв котелок, нервным движением провел ладонью по своим светлым, песочного цвета волосам.

– У меня, наверное, помутился рассудок, когда я согласился связаться с тобой, – сказал Фланаган Алексу. – Незамысловатый поджог дома ты превратил в липкую бумагу для ловли мух, а в качестве липучки использовал двадцать пять тысяч долларов, подвесив их передо мной на нитке. Нет, мне следовало тебя сразу пристрелить.

– Ничего не понимаю, – жалобно произнес Алекс. – Фитиль должен был тлеть два часа, а потом дом обязан был вспыхнуть, как газовая духовка.

– Ты – типичный греческий генерал.

– Послушай, Фланаган, – сухо, деловым тоном сказал Алекс (он хотел казаться крутым), – мне не нравится, как ты со мной разговариваешь. Ты ведешь себя так, будто я нарочно провалил дело. Неужели думаешь, что я готов выбросить пять тысяч баксов в окно просто так, за здорово живешь? – Для большей убедительности он щелкнул пальцами.

– Я не знаю, что ты сделал, – ответил Фланаган, зажигая вторую сигарету, – но полагаю, что у тебя просто не хватает мозгов. Даже в ливень ты не способен сообразить, что от потоков воды следует укрыться. Вот что я о тебе думаю – честно и откровенно.

– Пять тысяч баксов есть пять тысяч баксов, – гнул свое Алекс. – С такими бабками я мог бы открыть бильярдную и до конца дней кантоваться, как джентльмен. – Он поднял глаза вверх и мечтательно добавил: – Мне всегда хотелось владеть бильярдной. – Неужели ты думаешь, что я намеренно отказался от такой возможности? – довольно грубо спросил он у Фланагана. – Может, ты считаешь, что у меня с головой не в порядке?

– Я ничего не думаю, – угрюмо произнес Фланаган. – Я знаю лишь, что дом не сгорел. Это мне точно известно.

Больше Фланаган не произнес ни слова. Он мрачно смотрел в окно. Машина катила по зеленым полям Нью-Джерси, а ее пассажиры дышали запахами скотных дворов, навоза и ароматами фабрик, в которых варился клей. Добравшись до развилки дороги, они свернули на Оранджберг и, не доехав две мили до городка, остановились на перекрестке. Из-за дерева вышел Мак-Кракен и влез в машину. Сэм начал движение еще до того, как тот успел опуститься на сиденье. Мундира Мак-Кракен не надел, а на его лице было выражение идущей по следу гончей.

– Бред какой-то, – сказал он, едва успев захлопнуть дверцу. – Чудеса, да и только. Сборище идиотов.

– Если вы явились сюда рыдать, – без обиняков заявил Фланаган, – то можете сразу выметаться.

– Я сидел в полицейском участке и чуть не сошел с ума в ожидании.

– Да будет вам, – произнес Фланаган.

– Все шло так, как мы и планировали, – продолжал Мак-Кракен, ритмично постукивая кулаком по колену. – Без десяти одиннадцать на противоположном конце города заработал сигнал пожарной тревоги, и все пожарные части кинулись туда, тушить кусты на пустыре. Я ждал два часа, но так и не дождался

никаких признаков пожара в доме Литлуортов. Двадцать пять тысяч баксов! – Не в силах преодолеть обрушившееся на него горе, он стал раскачиваться взад и вперед. – После этого я позвонил вам. Чем вы занимаетесь? В игры играете?

– Полюбуйтесь, – сказал Фланаган, ткнув большим пальцем в сторону Алекса. – Вот наш герой. Эксперт, эффективно действующий в любой ситуации. Как великий греческий полководец. Мне ужасно хочется пнуть его ногой в брюхо.

– Послушайте, – стараясь казаться спокойным, обратился к ним Алекс, – там что-то пошло не так. На сей раз все будет в лучшем виде.

– Да уж постарайся, – угрюмо ответил Фланаган. – Если ты и теперь ошибешься, тебя подадут в зажаренном виде в пироге.

– Не надо так говорить, – обиделся Алекс.

– Я говорю так, как хочу, – сказал Фланаган и добавил: – Сэм, поезжай к дому Литлуортов.

Машина не успела полностью остановиться, как из нее выскочил Алекс и бегом кинулся к дому.

– Мы вернемся через десять минут! – крикнул Фланаган ему вслед. – Выясни к тому времени, что там не так… – Он захлопнул дверь и закончил: – … Алекс. – Последнее слово прозвучало как ругательство.

Алекс посмотрел на дом Литлуортов, огромной глыбой чернеющий на фоне звездного неба. Этому дому давно следовало стать грудой золы, и теперь на пепелище должны были уныло бродить эксперты страховой компании, подсчитывающие ущерб. «Почему же он не сгорел? – спрашивал себя Алекс, а сердце его обливалось кровью. – Пять тысяч долларов…» – думал он, быстро шагая по лужайке. Прекрасная, уютная бильярдная, музыкально постукивающие друг о друга шары и парни, покупающие после каждого удара кока-колу по десять центов бутылка. Мелодичный, радующий слух звук кассового аппарата… Одним словом, жизнь джентльмена, и никакого страха, когда в твою сторону случайно взглянул коп. Так почему же этот проклятый дом не сгорел?

Алекс бесшумно проскользнул в окно, которое еще раньше оставил открытым, и зашагал по толстому ковру в библиотеку, освещая себе путь короткими вспышками карманного фонарика. Войдя в библиотеку, он сразу прошел в угол к куче тряпья, все еще слабо попахивавшей лигроином. Затем Алекс направил луч фонаря на фитиль, который аккуратно запалил, перед тем как выбраться через окно. От фитиля осталась лишь полоска пепла, и это говорило о том, что он горел как положено. Алекс неуверенно потрогал тряпки. Те оказались сухими – прямо песок.

– Идиот! – прошептал он. – Что за идиот! – Он шлепнул себя обеими руками по лбу. – Неужели нельзя было сообразить?

Злобно пнув ногой кучу тряпья, он прошел через зал, вылез из окна, пробежал через лужайку, спрятался за дерево и, дымя сигаретой, стал ждать возвращения Фланагана и Сэма.

Глубоко вздохнув, Алекс огляделся по сторонам. Вот как надо жить, думал он вглядываясь в большие дома, темнеющие на фоне звездного неба. Деревья и лужайки, свежий воздух, тишина и пение птиц, поездка на Палм-Бич, когда вы хотите, чтобы ваш дом сгорел, и не желаете знать, как это случилось. Алекс еще раз вздохнул и раздавил сигарету о дерево. Бильярдная, если ею правильно управлять, может принести шесть-семь тысяч долларов в год. Имея такие деньги, можно отлично устроиться в районе Флэтбуш, где повсюду растут деревья, а в садах резвятся белки. Настоящие живые белки! Этот район Нью-Йорка похож на парк, и именно там следует жить порядочным людям…

К нему подкатил автомобиль, Фланаган открыл дверцу и мрачно спросил, не выходя из машины:

– Ну, что скажешь, полководец?

– Знаешь, Фланаган, произошла ошибка, – произнес Алекс, переходя на шепот.

– Не может быть! – издевательским тоном бросил Фланаган. – Не надо! Не надо меня огорчать!

– Ты намерен шутить? – спросил Алекс. – Может, все же послушаешь, что там произошло?

– Ради всего святого, Фланаган, – срывающимся голосом пропищал Мак-Кракен, – перестань паясничать! Говори то, что надо сказать, и уезжаем отсюда. – Тревожно осмотрев улицу, он добавил: – Насколько мне известно, здесь каждую минуту может появиться коп!

– Наш славный шеф полиции. Наши «Старые железные нервы»[6 - Намек на фрегат «Конститьюшн», прославившийся во время войны за независимость и получивший прозвище «Старые железные бока», или «Железнобокий». До настоящего времени в составе кораблей ВМС США под номером 1. На вечном приколе в гавани г. Бостона.], – усмехнулся Фланаган.

– Не могу себе простить, что ввязался в это дело, – хрипло произнес Мак-Кракен и спросил: – Итак, Алекс, в чем дело?

– Все очень просто, – ответил Алекс, – я рассчитал горение фитиля на два часа, но за это время произошло испарение лигроина.

– Испарение? – протянул Сэм. – Что это за штука такая «испарение»?

– Он у нас образованный парень, этот Алекс. Ну прямо студент. Знает кучу мудреных слов. Теперь послушай меня, тупоголовый грек! Гений эффективных действий! Безголовый сукин сын! И как я мог доверить подобному кретину поджог дома? Ведь ты способен только мыть посуду в дешевой забегаловке! Александр! – сказал Фланаган и плюнул Алексу в физиономию.

– Ты не должен так говорить, – сказал Алекс, вытирая лицо. – Я старался, как мог.

– И что же нам теперь делать? – взвыл Мак-Кракен? – Кто-нибудь может мне сказать, что нам теперь делать?

Фланаган резко наклонился вперед, схватил Алекса за воротник и, притянув к себе, прошипел ему прямо в лицо:

– Слушай меня, Александр. Слушай внимательно. Сейчас ты вернешься в этот дом и подожжешь его. На сей раз ты подожжешь дом как следует! Ты все понял?

– Да, – ответил Алекс дрожащим голосом. – Конечно, я все понял, Фланаган. Тебе совсем не обязательно отрывать мой воротник. Послушай, рубашка обошлась мне в восемь долларов…

– На этот раз ты будешь поджигать дом без всяких фитилей, – сказал Фланаган и для большей убедительности сильнее затянул воротник рубашки. – Почтишь пожар, так сказать, своим личным вниманием. И чтобы никаких испарений! Ты меня хорошо понял?

– Да, – ответил Алекс. – Я понял тебя, Фланаган, очень хорошо.

– Если что-нибудь опять пойдет не так, тебя запекут в пироге, – пригрозил Фланаган, устремив взгляд своих маленьких светлых подловатых глаз прямо в зрачки Алекса.

– Ну почему ты не отпускаешь воротник? – прохрипел Алекс – он уже начал задыхаться. – Эта рубашка стоила мне…

– Как мне хочется врезать тебе в брюхо! – сказал Фланаган.

Еще раз плюнув Алексу в лицо, он отпустил воротник рубашки и тычком оттолкнул от себя его голову.

– Послушай, Фланаган… – возмущенно пискнул Алекс и попятился назад, едва устояв на ногах.

Дверца машины захлопнулась.

– Поехали, Сэм, – бросил Фланаган, откидываясь на спинку сиденья.

Автомобиль рванул с места. Алекс вытер лицо дрожащей ладонью.

– О Господи! – прошептал он и двинулся по темной лужайке к еще более темному дому.

Тишину ночи нарушило чириканье воробья, и Алекс едва не заплакал под сенью столь мирных деревьев.

Оказавшись в доме, Алекс повел себя весьма деловито. Первым делом он поднялся на второй этаж, где с прошлого раза оставил ведра с лигроином, и перетащил их вниз по два за ходку. Затем он сорвал все драпировки с окон первого этажа и сложил их кучей в дальнем конце коридора, протянувшегося вдоль всей стены дома. После этого он сдернул холщовые чехлы с мебели и бросил их поверх драпировок. Алекс не поленился спуститься в подвал, чтобы принести оттуда картонные коробки из-под яиц, наполненные древесной стружкой. Когда он высыпал стружки на драпировки и чехлы, куча в конце коридора достигла высоты семи футов. Он работал решительно и быстро, разрывая ткань в том случае, если она легко поддавалась, и передвигаясь по ступеням лестницы бегом. На нем было тяжелое пальто, и он обильно потел, чувствуя, как струйки пота стекают под воротник рубашки. Алекс пропитал лигроином всю мягкую мебель и вылил десять галлонов жидкости на кучу, которую он воздвиг в коридоре. От острого запаха лигроина у него свербило в носу. Алекс отступил на пару шагов и с удовлетворением окинул взглядом плоды своего труда. Если и теперь ничего не получится, подумал он, то этот дом не сожжешь даже в доменной печи. Когда он закончит подготовку и приступит к делу, в домике Литлуортов станет очень жарко. На сей раз ошибки быть не должно. Алекс взял метлу, отломал рукоятку и обмотал ее конец тряпками. Он макал этот факел в ведро до тех пор, пока тряпки не пропитались настолько, что лигроин стал стекать с них на пол широкой струей. Тихонько насвистывая мелодию песни «В старом городе сегодня будет жарко», Алекс широко распахнул окно в противоположном от кучи тряпья и стружек конце коридора. Коридор был узким и длинным. Окно от погребального костра отделяло по меньшей мере тридцать пять футов.

– «В старом городе сегодня будет жарко», – пропел он негромко, доставая одну спичку из тех, что лежали в его кармане. Стоя рядом с окном, чтобы иметь возможность сразу из него выпрыгнуть, он зажег спичку и поднес огонек к факелу. Факел ярко вспыхнул, и Алекс что было сил швырнул его вдоль коридора в кучу пропитанных лигроином тряпья и стружек. Бросок оказался точным. На какой-то миг показалось, что все осталось по-прежнему. Алекс стоял у окна, в глазах его отражался свет факела. Он улыбнулся, поднес руку ко рту, поцеловал кончики пальцев и послал воздушный поцелуй в противоположный конец коридора.

И в это мгновение весь коридор взорвался. Куча тряпья и стружек превратилась в огненный шар, который со страшной скоростью понесся к окну за спиной Алекса. Крик, вырвавшийся из его горла, утонул в громовом реве взорвавшегося дома, и Алекс успел нырнуть на пол в тот момент, когда над ним пролетал клубящийся огненный шар. Шар сорвал с него шляпу, опалил волосы и вырвался из окна так, как вылетает дым из печной трубы.

Придя немного в себя, Алекс прежде всего почувствовал сильный запах гари. Затем он увидел, что ковер под его лицом горит – горит тихо и ровно, словно уголья на каминной решетке. Алекс три раза ударил себя по голове, чтобы погасить огонь на том, что осталось от его волос, и попытался сесть. Однако дым оказался настолько густым, что он, кашляя и заливаясь слезами, снова лег на пол и медленно, фут за футом, пополз по горящему ковру. Он продвигался к ближайшей двери, а руки его чернели, сохли, и кожа на них трескалась. Наконец он открыл дверь и выполз на боковую веранду дома. В тот же момент позади рухнули стропила, и плотный, как цемент, столб пламени взвился из крыши в черное небо. Алекс вздохнул, подполз к краю террасы и свалился с высоты пяти футов на кучу земли, которой предстояло стать цветочной клумбой. Земля была теплой и пахла навозом, но он тихо лежал, с благодарностью вдыхая этот аромат. Алекс лежал бы и дольше, если бы вдруг не почувствовал, что с его бедром происходит нечто странное. Он сел и покосился на бедро. Из-под пальто выбивалось пламя, а кожа под ним, похоже, начала запекаться. Алекс аккуратно расстегнул пальто и несколькими ударами сбил пламя, вырывающееся из кармана, в котором он хранил спички. Затем Алекс выполз на лужайку и сел под деревом, тряся головой. Он тряс ею снова и снова в надежде прояснить затуманившееся сознание. Однако силы оставили его, и он в бесчувствии опустил голову на выступавшие из земли корни.

Где-то вдали беспрестанно звонил колокол. Алекс открыл глаза с опаленными ресницами и прислушался. Пожарные машины уже сворачивали на улицу. Он еще раз вздохнул и, как можно ниже припадая к холодной земле, пополз к задней стене дома и затем дальше, через живую, но без листвы изгородь, больно царапающую обожженные руки. Скрытый кустами, Алекс поднялся и пошел прочь как раз в тот момент, когда первый пожарный выбежал из-за угла и метнулся к задней стене дома.

Упорно, но замедленно, так, как ходят во сне, он шагал к дому Мак-Кракена. Для того чтобы добраться до дома шефа полиции, ему потребовалось сорок минут. Алекс двигался темными переулками, чувствуя, как лопается на коленях

опаленная кожа. Он нажал кнопку звонка и стал ждать. Медленно открылась дверь, и из-за нее осторожно выглянул Мак-Кракен.

– Боже мой! – прошептал Мак-Кракен и стал закрывать дверь.

Однако Алекс выставил ногу и не дал ему это сделать.

– Впустите меня, – хриплым, срывающимся голосом попросил он.

– Ты обгорел, – сказал Мак-Кракен, пытаясь ударом ноги столкнуть ступню Алекса с порога. – У меня с тобой нет ничего общего. Убирайся отсюда.

Алекс достал револьвер, ткнул ствол под ребра Мак-Кракену и прошипел:

– Впусти.

Мак-Кракен медленно открыл дверь. Алекс чувствовал, как дрожит полицейский под дулом револьвера.

– Полегче, – пискнул голосом испуганной девочки Мак-Кракен. – Слышишь, Алекс, полегче!

Они вошли в прихожую, и Мак-Кракен закрыл дверь. Дверную ручку он, однако, не отпускал – боялся, что от ужаса хлопнется в обморок.

– Что тебе надо от меня, Алекс? – Когда он говорил, его свободно болтающийся на шее галстук дергался в такт словам. – Что я могу для тебя сделать?

– Мне нужна шляпа, – ответил Алекс. – И пальто.

– Хорошо, хорошо, Алекс, – захлебываясь от спешки, закивал Мак-Кракен. – Что еще я могу для тебя сделать?

– Я хочу, чтобы вы отвезли меня в Нью-Йорк.

– Послушай, Алекс. – Мак-Кракен нервно сглотнул и провел по сухим губам тыльной стороной ладони. – Давай рассуждать здраво. Я не могу отвезти тебя в Нью-Йорк. У меня работа, за которую мне в год платят четыре тысячи. Я начальник полиции и не могу рисковать…

– Я всажу тебе пулю в кишки, – сказал Алекс, а из его глаз полились слезы. – Так что давай помогай!

– Хорошо, хорошо, – мгновенно согласился Мак-Кракен. – Почему ты плачешь?

– Мне больно. Мне так больно, что нет сил терпеть, – сказал Алекс и, покачиваясь от боли, принялся расхаживать взад-вперед по прихожей. – Мне надо попасть к доктору, пока я не загнулся. Давай, ублюдок, вези меня в город, – прорыдал он.

Машина катила на восток в сторону рассвета, и всю дорогу до Джерси-Сити Алекс плакал, дергаясь на переднем сиденье машины. Он завернулся в большое пальто Мак-Кракена, а старая шляпа полицейского свободно ерзала туда-сюда на его опаленном черепе. Бледный, с отрешенным лицом, Мак-Кракен что было сил держался потными руками за баранку, время от времени испуганно косясь на Алекса.

– Да, – сказал Алекс, случайно поймав один из этих взглядов. – Я все еще здесь. Пока не умер. Ты, шеф полиции, лучше смотри, куда правишь.

Не доезжая квартала до входа в туннель Холланд со стороны Нью-Джерси, Мак-Кракен остановил машину.

– Пойми, Алекс, – взмолился он, – не заставляй меня ехать через туннель до Нью-Йорка. Я не могу рисковать.

– Я должен попасть к врачу, – сказал Алекс, облизывая растрескавшиеся губы. – Мне нужен доктор. И никто не помешает мне получить медицинскую помощь. Ты провезешь меня через туннель, а потом получишь пулю – потому что ты ублюдок. Ирландский ублюдок! Заводи мотор. – Раскачиваясь от боли, он крикнул: – Заводи мотор, тебе говорят!

Мак-Кракен так дрожал от страха, что управление машиной давалось ему с огромным трудом. Тем не менее он доставил Алекса в Бруклин к отелю «Святой Георг», в котором обитал Фланаган. Шеф полиции остановил машину и, бессильно опустив плечи, склонил голову на руль.

– О’кей, Алекс, – сказал он. – Мы на месте. Ты же будешь хорошо себя вести, не так ли? Ты ведь не сделаешь ничего такого, о чем тебе придется пожалеть позже? Я семейный человек, Алекс. У меня трое детей. Почему ты молчишь, Алекс? Почему хочешь навредить мне?

– Потому что ты – ублюдок, – с трудом выдавил Алекс, так как у него одеревенела челюсть. – У меня хорошая память. Я помню, как ты отказывался мне помочь, я должен был тебя заставлять.

– Моему младшему всего два годика, – со слезами в голосе сказал Мак-Кракен. – Неужели ты хочешь сделать младенца сироткой? Умоляю, Алекс. Я сделаю все, что ты скажешь.

– Ну ладно, – вздохнул Алекс. – Пойди приведи Фланагана.

Мак-Кракен выскочил из автомобиля и вскоре вернулся в сопровождении Фланагана и Сэма.

Алекс слабо улыбнулся, когда Фланаган открыл дверцу и посмотрел на него.

– Мило. Очень мило, – присвистнул Фланаган.

– Ты посмотри на него, – покачал головой Сэм. – Будто только что с войны вернулся.

– Вам надо посмотреть, что я сделал с домом, – сказал Алекс. – Первоклассная работа!

– Ты умрешь, Алекс? – участливо поинтересовался Сэм.

Алекс пару раз бесцельно взмахнул револьвером, а затем рухнул головой на приборную доску с таким звуком, что со стороны могло показаться, будто кто-то

изо всех сил ударил по мячу бейсбольной битой.

Открыв глаза, он увидел, что находится в полутемной, скудно меблированной комнате. До него откуда-то издалека долетел голос Фланагана:

– Послушайте, док, нельзя допустить, чтобы этот парень умер. Он должен выкарабкаться. Понимаете? Нам будет трудно избавиться от тела. Объяснить его появление мы не сможем. Мне плевать, если он потеряет обе руки и обе ноги или если на это уйдет пять лет. Вы должны его вытащить.

– Мне не следовало с вами связываться, – послышался вой Мак-Кракена. – Какой же я идиот! Рискнуть работой, которая дает четыре тысячи в год. Мне следует пройти психиатрическое обследование.

– Возможно, он выживет, а возможно, и нет, – авторитетно сказал какой-то незнакомец. – Парень постарался что надо.

– Похоже, ему судьбой предначертано упокоиться на конском кладбище, – заметил Сэм.

– Заткнись! – распорядился Фланаган и добавил: – С этого момента никто больше не произносит ни слова. Это дело сугубо частное. Александр! Полководец! Вшивый грек!

Прежде чем снова потерять сознание, Алекс услышал, как они уходят.

Следующие пять дней доктор держал его на уколах морфина, а Фланаган держал Сэма рядом с постелью Алекса. Сэм, в свою очередь, держал в руках полотенце, которое использовал в качестве кляпа, когда больной начинал вопить от боли.

– Это приличный пансион, Алекс, – примирительным тоном говорил он, затыкая Алексу рот. – Здесь не любят шума.

И Алекс сколько угодно мог кричать в полотенце, никого при этом не беспокоя.

По прошествии десяти дней доктор сказал Фланагану:

– Все в порядке. Он будет жить.

– Тупой грек, – со вздохом проговорил Фланаган, ласково потрепав Алекса по перебинтованному черепу. – Как мне хочется врезать ногой ему в брюхо! Но еще больше мне хочется напиться. – С этими словами он поправил криво сидевший на голове котелок и вышел.

Алекс провел в меблированной комнате три месяца, почти не меняя позы. Сэм выступал в роли няньки и медицинской сестры в одном лице. Он его кормил, играл с ним в карты – преимущественно в рамми – и читал ему спортивные новости.

В то время, когда Сэм отсутствовал, Алекс лежал, смежив веки, и мечтал о своей бильярдной. Над ее дверями будет ярко вспыхивать и гаснуть неоновая надпись «Бильярдная Алекса». Внутри он расставит новые столы и кожаные кресла, чтобы заведение походило на клуб. «Бильярдная Алекса» станет столь рафинированным местом, что там смогут играть даже леди. Он сделает все, чтобы бильярдная отвечала утонченным вкусам представителей избранных слоев общества. Не исключено, что там будут подавать холодный бесплатный ленч: ростбиф и швейцарский сыр.

Всю оставшуюся жизнь он проведет как джентльмен, сидя в клубном пиджаке за кассой. В этот момент Алекс всегда улыбался. Как только Фланаган выдаст ему его долю, он тотчас отправится в бильярдную на Клинтон-стрит и выложит деньги на стойку. Наличными. Эти доллары тяжело дались ему. Он едва не умер, и были моменты, когда он мечтал о смерти. Его волосы сгорели и теперь до конца дней будут расти пучками, как трава на заброшенной дороге. Ну и дьявол с ними! Ничего нельзя получить даром. Пять тысяч долларов, пять тысяч долларов, пять тысяч долларов…

Первого июня, впервые за три месяца и двенадцать дней, он оделся. Натянув брюки, Алекс был вынужден некоторое время посидеть, так как ноги его не держали. Затем он оделся до конца, оделся очень тщательно, уделив особое внимание галстуку. Покончив с одеванием, Алекс сел и стал ждать появления Фланагана и Сэма. Вскоре он выйдет из этой вшивой каморки с бумажником, распухшим от пяти тысяч долларов. «Что же, – думал он, – я заработал эти деньги. Заработал».

Фланаган и Сэм ввалились без стука.

– Мы торопимся, – объявил Фланаган. – Уезжаем к Адирондакским горам. В июне там, говорят, классно. Мы хотим произвести окончательный расчет.

– И правильно, – осклабился Алекс. Он не мог не улыбаться, думая о деньгах. – Пять тысяч долларов, детка.

– Боюсь, ты ошибаешься, – медленно произнес Фланаган.

– Ты сказал, пять тысяч долларов? – вежливо переспросил Сэм.

– Да, – ответил Алекс. – Да. Пять тысяч баксов, как мы договаривались. Разве нет?

– Это было в феврале, Алекс, – ровным голосом пояснил Фланаган. – А с февраля много чего произошло.

– Великие изменения, – добавил Сэм. – Почитай газеты.

– Перестаньте издеваться, – сказал Алекс, обливаясь в глубине души слезами. – Прекратите это дерьмо!

– Все верно, полководец, – кивнул, глядя без всякого интереса в окно, Фланаган, – тебе причиталось пять тысяч долларов. Но все эти деньги сожрали врачебные счета. Разве это не ужасно? Страшно подумать, насколько дорогими в наши дни стали медицинские услуги!

– Мы пригласили для тебя специалиста, Алекс, – вмешался Сэм. – Самого лучшего. Кроме ожогов, он знаменит и тем, что классно лечит огнестрельные раны. Но стоит это безумно дорого.

– Послушай ты, вшивый Фланаган! – заорал Алекс. – Я тебя достану! Не думай, что я не смогу тебя достать!

– В твоем состоянии кричать вредно, – примирительно сказал Фланаган.

– Да, – подтвердил Сэм, – док говорит, тебе нельзя напрягаться.

Фланаган подошел к комоду, выдвинул ящик и достал из него револьвер Алекса. Умело открыв барабан, он вытряхнул на ладонь патроны и тут же ссыпал их в карман.

– На тот случай, если горячая греческая кровь на минуту затуманит тебе голову, Алекс, – пояснил он. – Это было бы очень плохо.

– Фланаган! – крикнул Алекс. – Неужели я ничего не получу? Совсем ничего?

Фланаган взглянул на Сэма, открыл бумажник, вытянул оттуда пятидесятидолларовую банкноту и швырнул ее Алексу.

– Из собственного кармана, – сказал он. – Как знак моей ирландской щедрости.

– Наступит день, – сказал Алекс, – когда я расплачусь по всем долгам. Запомни. Так что жди.

– Эксперт мирового класса, эффективно действующий в любых обстоятельствах! – захохотал Фланаган. – Знаешь, Александр, тебе наш бизнес противопоказан. Поэтому завязывай. Прислушайся к совету старика. Тебе для нашей работы не хватает темперамента.

– Я расплачусь, – упрямо повторил Алекс. – Запомни.

– Полководец! – рассмеялся Фланаган. – Ужасный грек! – Он приблизился к Алексу и ткнул тыльной стороной ладони тому в лицо. Голова Алекса резко дернулась назад. – Будь здоров, Александр! – бросил Фланаган и вышел из комнаты.

После этого к Алексу подошел Сэм. Он положил ладонь на плечо страдальца и ласково произнес:

– Береги себя, Алекс. Ты прошел через большие испытания. Тебе пришлось выдержать такое напряжение.

После этих слов утешения он последовал за Фланаганом.

Минут десять Алекс сидел в кресле, уставившись сухими глазами в стену. Нос от удара Фланагана слегка кровоточил. Затем Алекс вздохнул, встал с кресла и влез в пиджак. С трудом наклонившись, он поднял с пола пятьдесят долларов и положил банкноту в бумажник. Пустой револьвер он опустил в карман пальто и медленно вышел из дома на яркое июньское солнце. Едва доковыляв до парка Форт-Грин, он, тяжело дыша, уселся на первую скамейку. Несколько минут сидел в неподвижной задумчивости, время от времени печально покачивая головой. Затем Алекс достал из кармана пальто револьвер, осторожно осмотрелся по сторонам и незаметно опустил оружие в стоящую рядом со скамьей урну. Пушка упала на скопившиеся там бумаги с негромким глухим стуком. Алекс запустил руку в урну, вытащил оттуда выброшенную кем-то газету и сразу обратился к разделу «Работа». Солнце ярко освещало газетные листы. Алекс прищурился и начал водить пальцем по странице, отыскивая колонку «Требуются молодые мужчины». Он еще долго сидел в своем тяжелом пальто под жарким июньским солнцем, делая на полях газетного листа крошечные карандашные пометки.

1939

Рывок на восемьдесят ярдов

Он принял высокий пас, энергичным движением бедер стряхнул руки полузащитника, который пытался уложить его на траву. Еще один полузащитник отчаянно кинулся ему в ноги, но Дарлинг эффектно перепрыгнул через него, и он остался лежать на земле у самой линии схватки. Десять следующих ярдов Дарлинг пробежал без помех, набирая скорость, дыша легко и свободно, чувствуя, как накладки то прилипают, то отстают от голеней. Он слышал за спиной тяжелые шаги, отрывался от них и видел все поле: игроков своей команды, рассыпающихся веером, соперников, набегающих на него, блокирующих, борющихся за удобную позицию, зону, которую он должен пересечь.

Все вдруг упорядочилось, встало на свои места, впервые в жизни превратилось в единое целое, сменив бестолковое мельтешение людей и звуков. На бегу он чуть улыбнулся, держа мяч перед собой обеими руками, высоко поднимая ноги, чуть ли не по-женски виляя бедрами. Центральный защитник бросился к нему, но он, имитируя уход налево, двинулся вправо, врезал ему плечом и, не снижая скорости, промчался мимо, вспарывая торф шипами бутсов. Теперь ему противостоял только опорный защитник. Он приготовился к встрече, приближался, полуприсев, широко разведя руки. Дарлинг прижал мяч к груди, сгруппировался и попер на него – двести фунтов мышц, помноженные на скорость. Он не сомневался, что проломит защитника. Не думая, автоматически, врезался в него, выставив вперед одну руку, угодил защитнику в нос. Брызнула кровь, защитника отнесло в сторону, а Дарлинг легко побежал к «городу», слыша затихающий топот за спиной.

Как давно это было? Вроде бы осенью, когда по ночам землю схватывало морозцем, листья кленов устилали стадион и тренировочное поле, девушки надевали поверх свитеров пальто, когда приходили смотреть на тренировки во второй половине дня… Пятнадцать лет назад. Дарлинг осторожно вышел на то же поле в весенних сумерках в туфлях, в двубортном сером костюме, мужчина тридцати пяти лет, прибавивший за эти годы десять фунтов, но не жира, с лицом, для которого временной промежуток между двадцать пятым и сороковым годами не прошел бесследно.

Тренер довольно улыбался, помощники тренера переглядывались, как бывало всегда, когда один из рядовых игроков неожиданно проявлял себя, доказывая тем самым, что их работа дает отдачу, что они не зря получают две тысячи долларов в год.

Дарлинг затрусил назад, глубоко дыша, совершенно не устав, в прекрасном расположении духа, хотя его рывок составил добрых восемьдесят ярдов. Пот катился по лицу и каплями падал на футболку, но ему нравились эти ощущения. Теплая влага смазывала кожу, как масло. В углу игроки перебрасывались мячом. Шлепки по коже звонко разносились в осеннем воздухе. На другом поле новички отрабатывали свое, и оттуда слышался резкий голос куортербека, топот одиннадцати пар бутсов и крики тренеров: «Живее, живее!» Его радовал смех игроков, он слышал аплодисменты студентов, сидящих на трибунах, он знал, что после такого рывка тренер обязательно выставит его на субботнюю игру с Иллинойсом.

Пятнадцать лет, думал Дарлинг. Он помнил душ после тренировки, горячую воду, мыльную пену, молодые голоса поющих игроков, полотенца, острый запах масла гаултерии. Все хлопали его по спине, когда он одевался, а Паккард, капитан, который очень серьезно относился к своим обязанностям, подошел к нему, пожал руку и сказал: «Дарлинг, в ближайшие два сезона тебя ждут блестящие перспективы».

Помощник менеджера суетился над ним, протирая царапину на ноге спиртом, заливая ее йодом. Легкое пощипывание вновь позволило ему осознать, какое у него молодое и сильное тело. Царапину прикрыла полоска пластыря, и Дарлинг отметил, какой же белый этот пластырь на красном фоне его распаренной кожи.

Одевался он медленно, наслаждаясь шелковистостью рубашки и мягким теплом шерстяных носков и фланелевых брюк, столь отличными от шершавости защитного жилета и накладок на голени. Он выпил три стакана холодной воды, и сухость горла, вызванная потерей жидкости во время тренировки, исчезла.

Пятнадцать лет.

Солнце село, небо за стадионом позеленело, и он рассмеялся, глядя на трибуны, возвышающиеся над деревьями. Он знал, что в субботу, когда семьдесят тысяч глоток ревут при выходе команды на поле, часть этого салюта будет предназначаться и ему. Шел он медленно, прислушиваясь, как хрустит гравий под ногами, вдыхая вечерний воздух. Ветерок играл его влажными волосами, приятно охлаждая шею.

Луиза ждала его на дороге, в своем автомобиле. Верх она опустила, и он вновь отметил, как отмечал при каждой их встрече, какая же она красивая: большие глаза, светлые волосы, яркие губы.

Она радостно улыбнулась и открыла дверцу.

– Ты показал себя во всей красе? – спросила Луиза.

– Можешь не сомневаться. – Он сел, утонув в мягкой коже, вытянул ноги, улыбнулся, думая про рывок на восемьдесят ярдов. – Прыгнул выше головы.

Какое-то мгновение она очень серьезно смотрела на него, а потом, как маленькая девочка, встала коленями на свое сиденье, обняла руками за шею и крепко поцеловала в губы. Отстранилась чуть-чуть, глядя ему в глаза. Дарлинг поднял руку, ласково погладил ее по щеке, освещенной уличным фонарем, стоявшим в сотне футов. Они улыбнулись друг другу.

Луиза поехала к озеру, и там они посидели в машине, наблюдая, как над холмами медленно поднимается луна. Наконец он повернулся к ней, мягко привлек к себе, поцеловал. Губы Луизы стали податливыми, она прильнула к нему, на ее глаза навернулись слезы. И он знал, впервые знал, что она ему ни в чем не откажет.

– Сегодня вечером, – сказал он, – я зайду за тобой в половине восьмого. Ты сможешь уйти?

Она смотрела на него. Улыбалась, но в глазах по-прежнему стояли слезы.

– Хорошо. Я смогу. А как насчет тебя? Тренер не устроит скандал?

Дарлинг усмехнулся:

– Тренер у меня в кармане. Ты сможешь дотерпеть до половины восьмого?

Она вновь улыбнулась:

– Нет.

Они поцеловались, она завела двигатель, и они вернулись в город. По дороге домой он пел.

Кристиан Дарлинг, тридцати пяти лет от роду, сидел на свежей весенней траве, задумчиво глядя на стадион – всеми покинутые руины, прячущиеся в сумерках. В ту субботу он вышел на поле в составе первой команды и выходил каждую субботу на протяжении двух последующих лет, но достичь многого ему так и не удалось. Он не получил ни одной серьезной травмы, его самый длинный рывок составил тридцать пять ярдов, да и то в уже почти выигранной игре, а потом

появился этот парень с непроницаемым лицом из третьей команды, Дейдрих, из висконсинских немцев, который мчался напролом, как разъяренный бык, субботу за субботой сметая защитные порядки соперников, принося больше очков, отыгрывая больше пространства, чем все остальные игроки, занося во вражеский «город» три мяча из четырех, забирая себе львиную долю похвал газетчиков. Достойный и единственный от их команды кандидат в сборную звезд. Дарлинг был хорошим блокирующим, и каждую субботу он имел дело со здоровенными шведами и поляками, которые были защитниками в командах Мичигана, Иллинойса или Пердью, врезаясь в этих гигантов, отпихивая, заваливая на землю, пробивая бреши для рывка Дейдриха, – тот, как локомотив, набирал скорость за его спиной. Однако футбол Дарлингу нравился. Его все любили, он четко выполнял тренерские установки, знакомые студенты раздувались от гордости, когда на вечеринках представляли ему своих подружек, Луиза обожала его и ходила на все игры, даже в самый проливной дождь, а потом отвозила домой в автомобиле с откинутым верхом, чтобы все видели: она – девушка Кристиана Дарлинга. Она засыпала его всяческими подарками, потому что ее отец был очень богат: часы, трубки, увлажнитель воздуха, ледник для пива, занавески для комнаты, бумажники, словарь за пятьдесят долларов.

– Ты потратишь все деньги твоего отца, – как-то раз запротестовал Дарлинг, когда она влетела в его комнату с семью коробками и бросила их на диван.

– Поцелуй меня и заткнись, – ответила Луиза.

– Ты хочешь разорить своего старика?

– Мне все равно. Я хочу покупать тебе подарки.

– Почему?

– У меня от этого улучшается настроение. Почему – не знаю. Тебе известно, что ты знаменитость?

– Да, – серьезно ответил Дарлинг.

– Вчера, когда я ждала тебя в библиотеке, две девушки увидели тебя, и одна сказала другой: «Вон идет Кристиан Дарлинг. Он местная знаменитость».

– Ты выдумываешь.

– Я влюблена в местную знаменитость.

– Но зачем надо было дарить мне толстенный словарь?

– Я хочу, чтобы ты знал об этом. Подарки – знаки моей любви. Хочу завалить тебя этими знаками.

Пятнадцать лет назад.

Они поженились после окончания колледжа. У него были и другие женщины, с ними он встречался мимоходом, тайком, больше из любопытства, женщины, которые сами бросались ему в объятия: симпатичная мамаша в летнем лагере для мальчиков, давняя знакомая из родного городка, которая с возрастом неожиданно расцвела, подруга Луизы, шесть месяцев упрямо преследовавшая его и все-таки воспользовавшаяся двумя неделями, когда Луизе пришлось уехать домой на похороны матери. Возможно, Луиза знала о них, но ничего не говорила, любя его всем сердцем, наполняя его комнату подарками, каждую субботу наблюдая, как он борется со здоровяками шведами или поляками на линии схватки, строя планы на будущее: они переедут в Нью-Йорк, будут ходить по ночным клубам, театрам, хорошим ресторанам, и она будет гордиться своим мужем, высоким, белозубым, широкоплечим, спортивным, одетым по последней моде, вызывающим завистливые взгляды других женщин.

Ее отец, владелец фабрики по производству чернил, организовал для Дарлинга филиал и передал ему три сотни банковских счетов. Они поселились в Бикмен-Плейс в квартире с видом на реку. На двоих они получали от отца Луизы пятнадцать тысяч долларов в год, потому что в те времена люди покупали все, в том числе и чернила. Они ходили на все шоу и во все «тихие» бары и тратили свои пятнадцать тысяч, а во второй половине дня Луиза обычно бывала в галереях или на серьезных спектаклях, которые Дарлинг не любил, Дарлинг же спал с девушкой, танцевавшей в кордебалете клуба «Розали», и с женой владельца трех медных рудников. Трижды в неделю Дарлинг играл в сквош и оставался таким же крепким парнем. Луиза никогда не сводила с него восхищенных глаз, если они находились в одной комнате, и на вечеринках частенько подходила, чтобы тихо сказать: «Вы – самый красивый мужчина, которого мне доводилось видеть. Не желаете выпить?»

Тысяча девятьсот двадцать девятый год свалился на Дарлинга, и его жену, и тестя, владельца фабрики по производству чернил, как снег на голову. Собственно, точно так же, как и на остальных. Тесть терпел до тридцать третьего и только тогда пустил себе пулю в лоб. Дарлинг поехал в Чикаго, чтобы ознакомиться с состоянием дел, и там выяснил, что на балансе фирмы одни долги да три или четыре галлона непроданных чернил.

– Пожалуйста, Кристиан, – спросила Луиза, сидя в уютной гостиной их квартиры в Бикмен-Плейс под репродукциями картин Дюфи, Брака и Пикассо, – скажи мне, почему ты начинаешь пить в два часа дня?

– Потому что мне больше нечего делать, – ответил Кристиан, пристраивая на стол стакан, опустевший в четвертый раз. – Пожалуйста, передай мне бутылку виски.

Луиза наполнила ему стакан.

– Прогуляйся со мной, – предложила она. – Мы можем пройтись вдоль берега.

– Я не люблю гулять вдоль берега. – Дарлинг, прищурившись, всмотрелся в репродукции картин Дюфи, Брака и Пикассо.

– Давай пройдемся по Пятой авеню.

– Я не хочу гулять по Пятой авеню.

– Может, ты пойдешь со мной в какую-нибудь галерею? Сейчас выставляется один художник, его фамилия Кли…

– Я не хочу идти в галерею. Хочу сидеть здесь и пить шотландское. Кто развесил по стенам эти чертовы картины?

– Я, – ответила Луиза.

– Ненавижу их.

– Так я их сниму.

– Оставь их. Они дают мне возможность хоть что-то делать. Я могу их ненавидеть. – Дарлинг большим глотком ополовинил стакан. – Неужели в наши дни люди рисуют такие картины?

– Да, Кристиан. Пожалуйста, не пей больше.

– Тебе они нравятся?

– Да, дорогой.

– Правда?

– Правда.

Дарлинг вновь всмотрелся в картины.

– Маленькая Луиза Такер. Красавица Среднего Запада. Я вот люблю картины с лошадьми. А почему тебе нравятся такие картины?

– За последние несколько лет я очень часто бывала в галереях…

– Именно этим ты занимаешься во второй половине дня?

– Именно этим я занимаюсь во второй половине дня.

– А я во второй половине дня пью.

Луиза поцеловала его в макушку. Он по-прежнему всматривался в репродукции, держа в руке стакан виски. Она надела пальто и молча выскользнула за дверь. Вернувшись в сумерках, сказала Дарлингу, что ее взяли на работу в женский журнал мод.

Они переехали в более дешевую квартиру. По утрам Луиза уходила на работу, а Дарлинг сидел дома и пил. Если приходили счета, их оплачивала Луиза. Она

убеждала себя, что сможет уйти из журнала, как только Дарлинг найдет работу, хотя с каждым днем дел у нее только прибавлялось: она беседовала с авторами, выбирала художников-иллюстраторов, искала актрис, фотографии которых публиковались в журнале, встречалась за ленчем с нужными людьми, завела тысячу новых знакомых, каждого из которых представляла Дарлингу.

– Мне не нравится твоя шляпка, – сказал как-то Дарлинг, когда она пришла вечером и, поцеловав, дохнула на него мартини.

– А что не так с моей шляпкой, бэби? – спросила она, пробежавшись пальцами по его волосам. – Все говорят, что она очень эффектная.

– Слишком эффектная, – ответил Дарлинг. – Она не для тебя. Такую шляпку должна носить богатая, утонченная женщина лет тридцати пяти, у которой куча поклонников.

Луиза рассмеялась.

– Я и стараюсь выглядеть богатой, утонченной женщиной лет тридцати пяти, у которой куча поклонников.

Он мрачно глянул на нее. Хмель как рукой сняло.

– Ну что ты надулся, бэби? Под этой шляпкой все та же твоя любящая жена. – Она сняла шляпку, отбросила в угол, села ему на колени. – Видишь? Очень уютная и домашняя.

– На твоем дыхании можно запускать двигатель внутреннего сгорания.

Дарлинг не хотел грубить, но шок был слишком велик: он вдруг увидел, что жена превратилась в незнакомку. Изменилась не только шляпка, но и выражение глаз. В них читались уверенность в себе и скрытность.

Луиза прильнула к груди мужа, опустив голову, чтобы пары алкоголя не достигали его ноздрей.

– Мне пришлось пригласить автора на коктейль. Он приехал с плато Озарк и пьет, как рыба. Он коммунист.

– Почему коммунист пишет для женского журнала мод?

Луиза хохотнула:

– Журналам приходится бороться за тиражи. Поэтому издатели стараются расширить круг авторов. И потом, сейчас не найти автора моложе семидесяти, который не был бы коммунистом.

– Я не думаю, что тебе следует общаться с этими людьми, Луиза. Тем более – пить с ними.

– Он очень милый мальчик. Читает Эрнста Доусона.

– Кто такой Эрнст Доусон?

Луиза похлопала его по руке, встала, поправила волосы.

– Английский поэт.

Дарлинг почувствовал, что в чем-то разочаровал ее.

– Я должен знать, кто такой Эрнст Доусон?

– Нет, дорогой. Пожалуй, я приму ванну.

Когда она вышла, Дарлинг приблизился к углу, где лежала шляпка, поднял ее. Ничего особенного – солома, красный цветок, вуалетка. В его огромной руке она выглядела совершенно обыкновенной, но когда ее надевала жена, будто подавала какой-то сигнал… Большой город, умные и опытные женщины пьют и обедают с мужчинами – отнюдь не их мужьями, – говорят о том, о чем нормальный человек понятия не имеет: французы рисуют картины не кисточками, а локтями, композиторы пишут симфонии, обходясь без единой мелодии, писатели знают все о политике, женщины знают все о писателях, пролетарском движении, Марксе. Обеды, где встречаются известные красавицы

Америки и гомосексуалисты, которые смешат друг друга до слез, потому что недоговоренные предложения понимаются с полуслова и вызывают безумный смех, жены, которые называют мужей «бэби».

Он положил шляпку – солома, красный цветок, вуалетка – на стол. Глотнул чистого виски и прошел в ванную, где его жена лежала в теплой воде, что-то напевала и иногда улыбалась, как маленькая девочка, похлопывая по воде рукой, отчего по ванной растекался запах ароматических солей, которыми она пользовалась.

Постоял, глядя на нее сверху вниз. Она улыбнулась, ее розовое тело поблескивало в теплой душистой воде. Вновь он осознал, как она прекрасна, как она ему нужна.

– Я хочу, чтобы ты не называла меня бэби.

Она посмотрела на него, ее глаза наполнились печалью, она поняла, что он хотел ей сказать. Он опустился на колени, обнял ее, замочив рукава пиджака и рубашки, изо всех сил прижал к груди, едва не раздавив, поцеловал в отчаянии и печали.

Потом он начал работать – занялся продажей недвижимости и автомобилей, но почему-то, хотя он и являлся на работу каждый день к девяти утра, ему не удавалось ничего продать и хоть что-нибудь заработать.

Луиза тем временем стала заместителем редактора, и их дом заполнили какие-то странные мужчины и женщины, которые говорили очень быстро и спорили о таких абстрактных вещах, как настенная живопись, современные романы, профессиональные союзы. Спиртное Луизы пили негры, пишущие короткие рассказы, множество евреев и здоровенные мужчины со шрамами на лицах и ссадинами на кулаках, которые медленно, но со знанием дела говорили о пикетах и стычках с охранниками и штрейкбрехерами у заводских ворот. И Луиза чувствовала себя среди этих мужчин как рыба в воде, понимала, о чем они говорят, высказывала мнения, к которым они прислушивались, спорила с ними на равных, словно мужчина. Она знала всех, ни перед кем не унижалась, читала книги, о которых Дарлинг и не слышал, чувствовала себя своей в этом огромном городе, где множество подводных течений.

Ее друзьям нравился Дарлинг, и иногда он находил человека, который отходил с ним в угол, чтобы поговорить о перспективном пареньке, игравшем защитником за Принстон, о новых тактических приемах, которые использовались в нападении, и даже о состоянии фондовой биржи, но обычно он сидел молча, неподвижной скалой в бушующем океане слов: «Диалектика ситуации… Театр отдали каким-то фокусникам… Пикассо? Кто дал ему право рисовать старые кости и получать за них по десять тысяч долларов? Я твердо стою на позиции Троцкого… По был последним американским критиком. Когда он умер, цветы возлагали на могилу американской критики. Я говорю это не потому, что они размазали по стенке мою последнюю книгу, но…»

Если он ловил задумчивый взгляд Луизы, брошенный на него сквозь сигаретный дым, то не решался посмотреть ей в глаза, а вставал, чтобы пройти на кухню за льдом или новой бутылкой…

– Послушайте меня, – говорил Кэтел Флагерти, стоя у двери с девушкой, – вы обязательно должны пойти и посмотреть этот спектакль. Театр недалеко, на Четырнадцатой улице, в здании старого городского склада. Идет спектакль только по воскресеньям, и я гарантирую, что вы будете прыгать от восторга, уходя из театра. – Флагерти – молодой крупный ирландец со сломанным носом – работал адвокатом в профсоюзе докеров, болтался в доме уже добрых шесть месяцев и громким криком заглушал всех, кто пытался с ним спорить. – Это новая пьеса. «В ожидании Лефти». О таксистах.

– Одетса, – сказала девушка Флагерти. – Она написана Одетсом.

– Никогда о нем не слышал, – признался Дарлинг.

– Он – начинающий драматург, – пояснила девушка.

– Это все равно что наблюдать за бомбардировкой, – продолжал Флагерти. – Я видел ее в прошлое воскресенье. Вы обязательно должны ее посмотреть.

– Пошли, бэби. – Луиза повернулась к Дарлингу, ее глаза уже сверкали в предвкушении нового и необычного. – Мы ведь все воскресенье проводим, уткнувшись в «Таймс». Сменим обстановку.

– Таксистов я вижу каждый день, – ответил Дарлинг. Не потому, что ему не понравилась идея. Просто не хотелось следовать советам Флагерти, которому так легко удавалось смешить Луизу и с чьим мнением она соглашалась едва ли не во всем. – Лучше сходим в кино.

– Ничего подобного вы не видели, – гнул свое Флагерти. – Он писал эту пьесу бейсбольной битой.

– Пойдем, – уговаривала мужа Луиза, – готова спорить, это отличный спектакль.

– У него длинные волосы, – вставила девушка. – У Одетса. Я познакомилась с ним на вечеринке. Он – актер. За весь вечер не произнес ни слова.

– Не хочется мне идти на Четырнадцатую улицу. – Дарлинг очень надеялся, что Флагерти и его девушка уйдут. – Слишком уж она мрачная.

– Черт! – воскликнула Луиза. Холодно посмотрела на Дарлинга, так, словно того только что представили ей и мнение у нее о нем сложилось не слишком положительное. Он чувствовал, она смотрит на него, знал, что в выражении ее лица появилось нечто новое и опасное, хотел что-то сказать, но Флагерти и его чертова девушка топтались рядом, да и нужных слов не находилось. – Я иду. – Она схватила пальто. – Мне вот Четырнадцатая улица не кажется мрачной.

– Говорю вам, – Флагерти помог ей надеть пальто, – это Геттисбергская битва, только в Бруклине.

– Никто не мог выжать из него ни слова, – говорила девушка Флагерти, когда они выходили из квартиры. – Он весь вечер просидел как памятник.

Дверь закрылась. Луиза не пожелала ему спокойной ночи. Дарлинг четырежды обошел комнату, улегся на диван, прямо на «Таймс». Минут пять полежал, глядя в потолок, думая о Флагерти с его громовым голосом, – этот человек сейчас шел по улице между женщинами, держа их под руки.

Луиза выглядела прекрасно. Днем вымыла голову. С каждым годом она становилась все красивее, возможно, потому, что знала о том, как она хороша, и старалась максимально подчеркнуть свои достоинства.

– Безумие. – Дарлинг встал. – Чистое безумие.

Он надел пальто, пошел в ближайший бар, сел в углу и один за другим выпил пять стаканов виски. На шестой не хватило денег.

Последующие годы прошли как в тумане. Луиза была с ним мила, добра и заботлива, и они поссорились только один раз, когда он сказал, что собирается голосовать за Лэндона[7 - Лэндон, Альфред Моссман (1887–1987) – политик и бизнесмен, активный деятель Республиканской партии. На президентских выборах 1936 г. проиграл Рузвельту.] («Боже! – воскликнула она, – неужели в голове у тебя ничего не осталось? Ты не читаешь газет? Это отвратительный республиканец!»). Потом она попросила прощения за то, что обидела его, но извинилась, как извиняются перед ребенком. Он, конечно, старался, ходил в художественные галереи, на концерты, в книжные магазины, изо всех сил стремился разделять увлечения жены, но безуспешно. Он скучал – все то, что он видел, слышал или читал, не имело для него ровно никакого смысла, и наконец он сдался. По вечерам, обедая в одиночестве – теперь это случалось часто, – зная, что Луиза придет поздно и, ничего не объясняя, уляжется в кровать, он задумывался о разводе, но мысль о том, что в этом случае он больше не увидит ее, сразу отрезвляла. Поэтому он ни в чем не перечил ей, ходил всюду, куда она его брала, делал все, что она от него хотела. Даже нашел себе работу в брокерской конторе. Денег как раз хватало на выпивку.

А потом ему предложили другую работу – представителя компании по пошиву мужской одежды в различных колледжах.

– Нам нужен человек, – говорил мистер Розенберг, – одного взгляда на которого было бы достаточно, чтобы сказать: «Он – выпускник университета». – Мистер Розенберг одобрительно оглядел широкие плечи и узкую талию Дарлинга, аккуратно зачесанные волосы, гладкое, без единой морщинки лицо. – Признаюсь, мистер Дарлинг, я готов предложить вам это место. Я наводил о вас справки, в вашем колледже о вас очень тепло отзывались. Как я понимаю, вы играли в одной команде с Альфредом Дейдрихом.

Дарлинг кивнул.

– Как он поживает?

– Последние семь лет ходит в железном корсете. Стал профессиональным футболистом, и ему сломали шею.

Дарлинг улыбнулся. Хоть этот получил то, что хотел.

– Наши костюмы очень легко продавать, мистер Дарлинг, – продолжал Розенберг. – У нас отличный крой, превосходные материалы. Чем отличаются от нас «Брук бразерз»? Только именем. Мы им ни в чем не уступаем.

– Я смогу зарабатывать пятьдесят, шестьдесят долларов в неделю, – говорил Дарлинг Луизе в тот же вечер. – Плюс оплата расходов. Я смогу скопить денег, вернуться в Нью-Йорк и открыть собственное дело.

– Да, бэби, – соглашалась с ним Луиза.

– Кроме того, я смогу приезжать раз в месяц, а также на все праздники и летом. Мы будем видеться достаточно часто.

– Да, бэби.

Он смотрел на ее лицо, в тридцать пять лет еще более красивое, но словно отмеченное печатью скуки, исполненной терпения, доброты, отстраненности, и это выражение не сходило с него все последние годы.

– Что ты скажешь? Соглашаться мне на эту работу? – В глубине души он отчаянно надеялся услышать: «Нет, бэби, тебе лучше остаться здесь».

Но она ответила, как он и предчувствовал:

– Я думаю, да.

Он кивнул. Ему пришлось встать и отвернуться к окну, потому что на его лице она могла прочесть то, о чем не подозревала пятнадцать лет их совместной жизни.

– Пятьдесят долларов в неделю – это большие деньги. Я уж и не думал, что смогу их заработать.

Он рассмеялся. Как и Луиза.

Кристиан Дарлинг сидел на зеленой травке тренировочного поля. Тень трибуны стадиона подобралась к нему, накрыла. Вдали сквозь легкий туман светился огнями университетский кампус. Пятнадцать лет. Флагерти по-прежнему заглядывал к его жене, приглашал ее выпить, заполнял бар своим громовым голосом.

Дарлинг прикрыл глаза и буквально увидел, как пятнадцать лет назад он высоко выпрыгивает за мячом, освобождается от полузащитника и бежит вперед, улыбаясь, зная, что ему удастся пройти и опорного защитника. «Высшая точка, мое высшее достижение», – думал Дарлинг. Пятнадцать лет назад, во второй половине осеннего дня, в двадцать лет, когда воздух легко наполнял грудь, а в душе ты знал, что весь мир в твоей власти, ты можешь сбить с ног кого угодно, обогнать любого соперника. А затем душ и три стакана холодной воды, ночной воздух, холодящий влажные волосы, и Луиза, сидящая в автомобиле без шляпки, и первый поцелуй, которым она признавалась, что готова отдаться ему. Высшее достижение, рывок на восемьдесят ярдов и поцелуй девушки. Потом он только катился вниз. Дарлинг рассмеялся. Наверное, не тем он занимался на тренировках. Не смог подготовиться ни к двадцать девятому году, ни к Нью-Йорку, ни к тому, что девушка превратилась в женщину. «Наверное, – думал он, – был момент, когда она сравнялась со мной, когда я мог взять ее за руку, если бы уловил этот момент, крепко взять и пойти с ней рядом». Что ж, этого момента он не уловил. И теперь сидел на поле, на котором пятнадцать лет назад играл в футбол, а его жена в другом городе обедала с другим, более достойным мужчиной, говорила с ним на другом, новом языке, которому никто не удосужился обучить его, Дарлинга.

Он встал, чуть улыбнулся – знал, что заплачет, если не улыбнется, – огляделся. Вот эта точка. О’Коннор направлял мяч именно туда… высшая точка. Дарлинг вскинул руки, вновь почувствовал, как шлепнулся о них кожаный мяч. Крутанул бедрами, освобождаясь от полузащитника, перепрыгнул через второго, бросившегося ему в ноги, оставив их лежать на линии схватки, легко, набирая скорость, пробежал десять ярдов, держа мяч двумя руками, ушел от центрального защитника, высоко поднимая ноги, чуть ли не по-женски виляя

бедрами, врезался локтем в опорного защитника и, не сбавляя скорости, занес мяч в «город».

И лишь после этого, перейдя на быстрый шаг, заметил юношу и девушку, которые сидели на траве и изумленно таращились на него.

Он остановился, опустил руки.

– Я… – Он запнулся, хотя ничуть не устал и после рывка у него не перехватывало дыхание. – Я… когда-то я тут играл.

Юноша и девушка молчали. Дарлинг смущенно рассмеялся, сурово глянул на них, сидевших рядышком, пожал плечами, повернулся и зашагал к отелю, чувствуя, как на лице выступают капли пота и стекают на воротник рубашки.

1941

Бог, вечер, пятница

Сол тихо вошел в дом и легким шагом по длинному коридору направился на кухню. Его туфли из дорогой кожи лишь чуть поскрипывали. Увидел мать, с раскрасневшимся лицом склонившуюся над духовкой, в которой жарилась курица.

– Ма! – позвал он.

Она что-то буркнула, не поворачиваясь к нему.

– Ма, это я, Сол.

Мать закрыла духовку, выпрямилась, уперлась рукой в бедро.

– Поцелуй маму.

Сол поцеловал. Она села, посмотрела на него:

– Ты неважно выглядишь, Сол. Совсем не так, как в молодости.

Всякий раз при встрече она повторяла эту фразу.

– А что ты хочешь, ма? – Сол вздохнул. – Я уже не мальчик. Мне тридцать шесть.

– И что? – Она вытерла лоб. – Все дело в жизни, которую ты ведешь.

– Человек, который зарабатывает на жизнь играя в ночных клубах, не может выглядеть как призовой жеребец. – Сол перегнулся через стол и нежно накрыл руку матери своей. – Как ты, ма?

Мать вздохнула:

– Что тут скажешь? Почки. Всегда почки. Замужняя женщина стареет со скоростью курьерского поезда. – Она пристально посмотрела на сына. – Сол, дорогой, как ты одет? Прямо какой-то шут гороховый.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Notes

1

Перечисляются имена знаменитых джазменов тридцатых годов.

2

Десять центов.

3

Десерт из фруктов с орехами и мороженым.

4

Обычное в Америке прозвище трусов.

5

Кулидж, Джон Калвин (1872–1933) – 30-й президент США (1923–1929), республиканец.

6

Намек на фрегат «Конститьюшн», прославившийся во время войны за независимость и получивший прозвище «Старые железные бока», или «Железнобокий». До настоящего времени в составе кораблей ВМС США под номером 1. На вечном приколе в гавани г. Бостона.

7

Лэндон, Альфред Моссман (1887–1987) – политик и бизнесмен, активный деятель Республиканской партии. На президентских выборах 1936 г. проиграл Рузвельту.

Купить: https://tellnovel.com/ru/irvin-shou/oshibka-mertvogo-zhokeya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить